

ВВЕДЕНИЕ

Впервые упоминание о Судебнике 1497 года имеется в Записях о Московии австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, бывшего послом императора Максимилиана I при дворе Василия III. Опубликованные в 1556 году в Базеле на латинском языке, эти записки раскрывали содержание лишь первых статей Судебника (3-7, 9-16) о порядке решения споров при помощи судебного поединка и наказаниях за разного рода преступления.

Рукопись Судебника 1497 года была обнаружена в 1817 году П.М. Строевым и опубликована им совместно с К.Ф. Калайдовичем в 1819 году. Она остается до сих пор единственным известным списком Судебника и хранится в фонде Государственного древнехранилища Центрального государственного архива древних актов в Москве.

В советское время вышло академическое издание «Судебники XV-XVI вв.» (подготовка текста к печати и комментарий Л.В. Черепнина). Исследуя сохранившийся единственный список Судебника 1497 года, Л.В. Черепнин пришел к выводу, что текст его был переписан с подлинника или другого списка не менее чем тремя сменявшими друг друга писцами. Рукопись Судебника не имеет постатейной нумерации. Ее текст подразделяется с помощью киноварных заголовков на 36 разделов, внутри которого имеются более мелкие подразделения – выполненные также киноварью инициалы. Систематизируя эти подразделения, М.Ф. Владимирский-Буданов при публикации текста Судебника в своей «Хрестоматии», изданной в 1873 году, разделил его на 68 статей. Однако, как показал Л.В. Черепнин, эта система деления искусственна. М.Ф. Владимирский-Буданов, не имевший возможности ознакомиться с рукописью Судебника и пользовавшийся исключительно публикацией К.Ф. Калайдовича и П.М. Строева, в которой не всюду учитывалось наличие выполненных киноварью инициалов, не отразил полностью архитектонику памятника. По мнению Л.В. Черепнина, памятник следует разбить на 100 статей. Однако ввиду того, что все научные работы, посвященные Судебнику 1497 года, основаны на нумерации Владимирского-Буданова, в академическом издании (и в настоящей публикации) сохранено общепринятое деление.

М.Ф. Владимирский-Буданов отметил наличие в Судебнике определенной системы по сравнению с предшествовавшими актами. Предложенное выделение из состава Судебника четырех частей – постановления о суде центральном, суде местном, материального права и дополнительных статей – было воспринято всеми последующими исследователями. Рассматривая Судебник 1497 года как объединение местных законов в один общий, М.Ф. Владимирский-Буданов впервые предпринимает попытку более детального изучения вопроса о его источниках. Формально юридиче-

ское сравнение, проведенное путем текстологического анализа, приводит его к выводу, что в качестве «не только основного, но и единственного источника» Судебника выступают уставные грамоты, а нормы обычного права употреблены в незначительной степени. Использована Псковская Судная грамота, несколько видоизмененная по сравнению с вечевым законодательством. Судебник, считает М.Ф. Владимирский-Буданов, значительно беднее по сравнению с Псковской Судной грамотой как по содержанию, так и по искусству редакций. Он находит и неизвестные ранее памятникам статьи, например, запрещение отказывать в правосудии (ст. 2), законы о взяточничестве и лжесвидетельстве (ст. 67) и некоторые другие, автором которых он считает Ивана III.

В советской историко-юридической литературе наиболее крупные специальные исследования Судебника 1497 года принадлежат С.В. Юшкову и Л.В. Черепнину.

С точки зрения С.В. Юшкова, централизация территориальная предопределила централизацию законодательную. Однако господствовавшая в 20-е годы XX века концепция «торгового капитализма» при определении общественно-политического строя России периода XIV – XVI вв. оказала влияние и на труды, посвященные проблемам юридического оформления процесса ликвидации феодальной раздробленности и образования единого Российского государства. Судебник 1497 года трактуется С.В. Юшковым как памятник права, регламентировавший определенные социальные сдвиги на пути замены феодальных общественных отношений отношениями «торгового капитализма».

Солидаризируясь в основном с С.В. Юшковым по вопросам об источниках Судебника, а также в оценке ряда его статей и значения для процесса централизации Русского государства, Л.В. Черепнин предложил иное решение проблемы авторства Судебника 1497 года. Он пришел к выводу, что составителем Судебника не был и не мог быть сын боярский Владимир Гусев (этот вывод Л.В. Черепнина был подтвержден позднее А.Н. Насоновым), и предположил, что активное участие в создании Судебника принимали бояре-князья И.Ю. и В.И. Патрикеевы, С.И. Ряполовский, а также великокняжеские дьяки В. Долматов, Ф. Курицын и др.

Изучая вопрос об источниках Судебника 1497 года, С.В. Юшков и Л.В. Черепнин сделали заключение, что при его составлении были использованы не только Русская Правда, Псковская Судная грамота и уставные грамоты наместничьего управления. Например, дошедшие до нас Двинская 1397 года и Белозерская 1488 года уставные грамоты, в которых, помимо вопросов местного управления и суда, содержались и нормы материального, гражданского и уголовного права. Действовало также местное законодательство, определявшее *корм* наместника, судебные и торговые пошлины, уголовные штрафы, отношение наместника к суду центральному, а также законодательство присоединенных к Москве княжеств и земель. Так, помимо известных нам Псковской и Новгородской Судных грамот,

В.Н. Татищев упоминает о не дошедших до нас ростовских и рязанских законах.

К источникам Судебника относятся правые и жалованные грамоты, указы и инструкции, касающиеся суда и управления, и издававшиеся как Московским, так и иными княжествами. Таков, в частности, «Указ наместников о суде городским», изданный в 1483 -1484 гг. в связи с массовой конфискацией земель крупных феодалов, противившихся централизации, и передачей этой земли дворянству. Указ предусматривал привлечение к участию в суде представителей верхов местного населения, регламентацию судебных пошлин, установление твердых сроков, которых должны придерживаться кормленщики, призываемые приставом к ответу. В Судебник также вошли «Указ о езде», содержащий таксу пошлин за поездку приставов в различные города Московского государства, и «Указ о недельщиках».

Источниками при составлении Судебника 1497 года служили грамоты отдельных княжеств, устанавливавшие сроки *отказа* крестьян, сроки исковой давности по земельным спорам и др. По мнению С.В. Юшкова, в Московском великом княжестве, вероятно, существовал и до Судебника 1497 года сборник правил о судопроизводстве, применявшийся в центральных судебных учреждениях и, весьма возможно, в тех областях, которые не получили уставных грамот. Этот сборник должен был включать в себя «...по крайней мере, исчисление пошлин и сборов, следуемых с тяжущихся в пользу судей и в пользу второстепенных органов, а также сборов, взимаемых при выдаче различного рода официальных актов». Исследуя русские феодальные архивы XIV – XV вв., Л.В. Черепнин уточняет это предположение и приходит к выводу, что около 1491 года был составлен «московский сборник», воспринявший некоторые местные, особенно звенигородские, правовые нормы и являвшийся руководством для разбора в суде поземельных дел. Ликвидация земельных конфликтов во вновь присоединенных владениях была очередной задачей московского правительства.

Проводя доскональное сопоставление всего предшествовавшего законодательства с текстом Судебника 1497 года, С.В. Юшков пришел, однако, к выводу, что только в 27 статьях Судебника можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права (12 статей из уставных грамот, 11 из Псковской Судной грамоты, 2 статьи из Русской Правды (ст. 55 Судебника о займах и ст. 66 о холопах) и 2 статьи из норм обычного права). Но при заимствовании из старых источников нормы права перерабатывались применительно к изменениям в социально-экономическом строе. Усиливая в связи с обострением классовой борьбы репрессии, Судебник вводит смертную казнь для *лихих* людей, тогда как статьи Белозерской уставной грамоты, послужившие источником соответствующих статей Судебника, предоставляли разрешение вопроса о наказании таких людей на усмотрение суда. Судебник изменяет по сравнению с прежним законодательством порядок

обращения к суду, обязанности судей, вводит новое понятие института послушества и т.д.

40 статей, т.е. около 3/5 всего состава Судебника, не имеют какой-либо связи с дошедшими до нас памятниками. Они или извлечены из несохранившихся законодательных актов Ивана III, или принадлежат самому составителю Судебника и представляют, таким образом, новые нормы, не известные прежней судебной практике. Именно новизной Судебника объясняется, по мнению С.В. Юшкова, то обстоятельство, что далеко не все его статьи осуществлялись на практике. Часть их оставалась программой, пожеланием, для реализации которой требовалось время. Именно поэтому Судебник 1497 года был положен в основу царского Судебника 1550 года, а отдельные его положения и принципы получили дальнейшее развитие в последующем законодательстве. Роль и значение Судебника 1497 года особенно возрастают в свете исследований Л.В. Черепнина, И.И. Смирнова и Б.А. Романова, доказывающих отсутствие промежуточного памятника права, а именно – Судебника Василия III.

СУДЕБНИК 1497 ГОДА (текст и комментарий)

В сентябре месяце 1497 года Великий князь всей Руси Иван Васильевич со своими детьми и боярами установил, как судить боярам и окольным.

СТАТЬЯ 1. Суд осуществляется боярами и окольными в присутствии дьяков. Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной.

Статья 1 определяет состав боярского суда и пределы его компетенции. Суд осуществляется членами Боярской Думы, занимавшими высшие придворные должности и исполнявшими фактически обязанности судей. В целях ограничения судебных прав бояр и необходимости ведения судопроизводства к боярскому суду допускаются представители иных сословий – дьяки. Первоначально дьяки появились в штате князя и, как правило, занимались оформлением его духовных и иных грамот. Иногда они даже были холопами, на что указывают документы времен Ивана Калиты. Первые официальные упоминания о великокняжеском казенном дьяке встречаются в 1447-1453 гг., а в 1493 году появляется упоминание о «Казне». Она понимается как Казенный приказ с дьяками и делопроизводством, ведавшим личным имуществом великого князя, его казной, а также архивом.

Избираемые князем не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простого всенародства, дьяки являлись его

надежной опорой. Не из бояр, а из дьяков, повествует Псковская летопись, выбрал Иван III истолкователя своей воли перед псковским вечем. Роль дьяков усиливается с возрастанием письменного делопроизводства. Они могли возглавлять приказы и являлись компетентными людьми в политических, административных, финансовых и иных вопросах. Не случайно с XVI века в состав Боярской Думы были включены думные дьяки, заведовавшие четырьмя главными приказами: Разрядным, Посольским, Поместным и Казанского Дворца.

Боярская Дума в качестве суда первой инстанции судила своих собственных членов, должностных лиц приказов и местных судей, разбирала споры о местничестве и иски служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда. Боярская Дума была высшей инстанцией по отношению к местному суду. В нее передавались *по докладу* дела, изъятые из самостоятельного ведения местного суда, а также дела от приказных судей, когда между ними не было согласия, или порядок их решения не предусматривался законом. Помимо этого Боярская Дума была, наряду с великим князем, апелляционной инстанцией.

За производство суда или иного *печалования* запрещалось брать посулы (взятки). Первоначально *посул* – не столько взятка в буквальном смысле этого слова, сколько плата за проявление судьей прилежания в разборе дела. О посулах, как плате за суд, свидетельствует и ст. 4 Записи о душегубстве 1456 – 1462 гг.: *А тиуну великого князя что посулят*. Посулы, как вознаграждение, мзда от тяжущихся были обычным явлением и в последующее время.

Централизация государственного аппарата и недовольство масс злоупотреблениями должностных лиц на местах требовали упорядочения и ограничения прав должностных лиц. Так, в послании известного церковного деятеля Кирилла Белозерского князю Андрею (от 1413 года) предлагалось, чтобы *судьи...посулов не имели, довольны бы были уроки своими*. Запрещение тайных посулов, т.е. взяток, отразили Новгородская и Псковская Судные грамоты. Статья 4 последней гласит: *А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику*. С этого времени слово *посульник* принималось уже как взяточник. В таком же смысле *посул* понимается и в статье 6 Двинской уставной грамоты, устанавливавшей ответственность наместника, отпустившего вора за взятку: *Кто...тата отпустит, а себе посул возмет*. Запрещение посула как взятки получило законодательное подтверждение в статьях Судебника, отразивших ряд мер по ограничению прав кормленщиков (ст.ст. 1, 33, 38, 43, 65, 67).

СТАТЬЯ 2. Судья обязан принять всех обратившихся к нему истцов и разобрать дело, если оно не превышает компетенции данного судьи. Если дело не подсудно данному судье, он должен доложить об этом великому князю или послать истца к тому судье, в компетенцию которого входит разбор данного дела.

Статья указывает на наличие у судей различной компетенции. Если к судье попадает дело, ему не подсудное, он должен обратиться за указанием к великому князю или сам передать дело по подсудности.

Статья впервые упоминает о зарождении приказной системы. Высказанное Л.В. Черепниным и поддержанное А.К. Леонтьевым мнение о том, что в статьях 1-2 нет еще данных, указывающих на оформление приказной системы, и что судьи для разбора того или иного дела назначались каждый раз по решению великого князя, вызывает возражение. Уже в XIV – XV вв. наряду с дворцово-вотчинной системой отдельные дела поручались, приказывались какому-нибудь боярину или дьяку, которые разрешали их самостоятельно. Поэтому приказы часто носили имя дьяка, которому поручалось выполнение того или иного дела (например, Приказ дьяка Варфоломея.). Должности дьяков переходили к их преемникам, постепенно образуя постоянные учреждения.

Полемизуя с А.А. Зиминим, выдвинувшим трехзвенную схему формирования приказной системы: приказ – «поручение», что и было, по его мнению, в Судебнике 1497 года, приказ – изба (50-е годы XVI в.) и приказ – учреждение (со времен опричнины), И.И. Смирнов отмечает, что принцип суда по приказам намечается еще в Судебнике 1497 года. Но здесь он выступает еще в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду. Суд по приказам применяется лишь в тех случаях, когда дело не может быть разрешено обычным, старым путем. В Судебнике 1550 года суд по приказам превращается уже в основную форму центрального суда. Действительно, ст. 2 Судебника 1497 года предусматривает обязанность судьи принимать к производству дело в пределах его компетенции. Если дело выходит за эти пределы, то судья, а не великий князь отправляет истца к надлежащему судье. Статья 7 Судебника 1550 года, аналогичная ст. 2, свидетельствует о закреплении судей за определенными приказами: *А кто к которому боярину...придет жалобник его приказу.*

***СТАТЬЯ 3.** Со стороны, признанной судом виновной, взыскивается боярином и дьяком судебная пошлина: боярину 2 алтына, дьяку 8 денег, если цена иска в деле равна рублю.*

Статья 3 и следующие статьи развивают и конкретизируют ст. 9 Белозерской уставной грамоты, определяя размер и порядок взимания пошлин за рассмотрение дел боярским судом. Статья 3 направлена против посулов и заменяет их строго регламентированными судебными пошлинами, которые взыскивались на виноватом, т.е. со стороны, проигравшей дело. Размер пошлины зависел от суммы иска и лица, его подающего. За основу бралась цена иска в один рубль. При этом боярин получал два алтына (12 денег), а дьяк 8 денег. С увеличением или уменьшением суммы иска пропорционально изменялся и размер пошлины.

СТАТЬЯ 4. *О пошлинах за судебный поединок.*

Если стороны в процессе судебного разбирательства придут к примирению до начала поединка, с них взыскивается пошлина из расчета по 2 алтына с рубля боярину, а дьяку по 8 денег. От уплаты пошлин за судебный поединок окольниковому, дьяку и недельщику стороны освобождаются.

Судебник конкретизирует порядок взимания пошлины за организацию судебного поединка – *поля*. Поединку предшествовало крестное целование, даже если бились не сами истцы и ответчики, а наймиты – *полевщички*, представляющие интересы той или иной стороны. Это уже институт судебного представительства (подробнее о нем см. комментарий к ст.ст. 49 и 52). Отказ от поля расценивался как признание вины. По свидетельству Герберштейна, на судебный поединок стороны «могут выставить вместо себя...какое угодно лицо, точно так же ...могут заpastись каким угодно оружием, за исключением пищали и лука. Обыкновенно они имеют продолговатые латы, иногда двойные, кольчугу, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке наподобие кинжала, однако заостренное с того и другого краю; они держат его одной рукой и употребляют так ловко, что при каком угодно столкновении оно не препятствует и не выпадает из руки. Но по большей части его употребляют в пешем бою».

Судебный поединок как вид доказательства существовал еще в Древнерусском государстве, но законодательно впервые закреплен в Псковской грамоте (ст.ст. 10, 13, 17, 18, 21, 36, 37, 101, 117, 119). Поле назначалось только по делам, не затрагивающим интересов государства, и могло быть заменено свидетельскими показаниями. Организацией поля ведали окольниковый, дьяк и недельщик.

Недельщик – должностное лицо, в обязанность которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых и передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка и исполнение решения суда. По определению Герберштейна, «недельщик есть до известной степени общая должность для тех, кто зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьме; недельщики принадлежат к числу благородных». Наименование свое недельщики получили потому, что сменялись по неделям. Недельщики могли назначаться судом по просьбе истца для помощи ему в отыскании ответчика и обеспечения его явки в суд. Герберштейн писал: «Всякий желающий обвинять другого в воровстве, грабеже или убийстве, отправляется в Москву и просит позвать такого-то на суд. Ему дается недельщик, который назначает срок виновному и привозит его в Москву». Эти сведения подтверждаются историческими документами. Так, правая грамота 1528 года митрополичьей кафедре упоминает недельщика Данилу Трофимова, который доставлял на суд ответчиков и правил на них истцов иск. За отправление этих обязанностей недельщик получал вознаграждение от заинтересованной стороны.

Если стороны приходили к примирению в ходе судебного разбирательства до начала поединка, то пошлина взыскивалась в пользу лиц, ве-

дущих судебное разбирательство, т.е. боярина и дьяка, а полевая пошлина в пользу лиц, организующих поле, не взыскивалась.

СТАТЬЯ 5. Если стороны придут к примирению во время судебного поединка, с них взыскиваются судьями пошлины по тому же расчету, а также четвертая часть в пользу окольного и недельщика и 4 алтына с деньгою дьяку. Недельщик взыскивает дополнительно 2 алтына за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его.

При примирении сторон во время судебного поединка, наряду с пошлиной боярину и дьяку, взыскивалась пошлина в пользу должностных лиц, наблюдающих за полем. При этом в пользу недельщика, помимо полевой пошлины, взыскалась *вязчее*.

Вязчее или вязебное – одна из наиболее ранних пошлин, предусмотренных еще в ст.114 Русской Правды, за связывание беглого холопа. В XV – XVI вв. под *вязчим, вяжщим, вязьбой* понималась пошлина за связывание подсудимого, наложение оков на него или за подтверждение заключенного сторонами соглашения о судебном поединке и за его организацию. Насколько можно судить, размер этой пошлины, восходящей еще ко временам Русской Правды, в XV – XVI вв. составлял примерно 20 – 24 деньги.

СТАТЬЯ 6. Если судебным поединком решаются споры, вытекающие из обязательств по договорам займа или по делам о личном оскорблении, то с побежденного боярин и дьяк взыскивают пошлины в размере, равном сумме иска, окольный и недельщик – полтину, а дьяку – четверть. Недельщик взыскивает также за скрепление сделки сторон в поединке или за организацию его 4 алтына.

В данном случае поле состоялось, а значит, есть и побежденный, с которого взыскивают пошлины. В ст. 6 предусматриваются сравнительно небольшие дела – по спорам о займе и об ответственности за побои. Установление единого порядка судопроизводства для дел об оскорблениях действием и обязательств из договоров подтверждало, по мнению С.Г. Струмилина, отсутствие в тот период резкой грани между сферой уголовных и гражданских дел. Более правильным, однако, представляется объяснение М.Ф. Владимирского-Буданова, относившего дела об оскорблениях действием и обязательствах из договоров к категории дел, нарушавших интересы частных лиц в отличие от деяний, приносящих вред всему господствующему классу в целом, что и обуславливало впоследствии разницу между судом и розыском.

СТАТЬЯ 7. Если судебным поединком решаются дела о поджогах или убийстве, или разбое, или воровстве, то с побежденного берутся требуемые другой стороной сумма иска и пошлины: окольному полтина и до-

спехи, дьяку четверть, а недельщику полтина и за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его 4 алтына. Победенный подвергается также наказанию и «продаже» по усмотрению судьи.

Здесь поле применяется только по уголовным делам и притом преимущественно тяжким делам – об убийстве, разбое, воровстве, поджоге. Победенный уплачивал полевые пошлины в том же размере, что и по ст. 6, но, кроме того, отдавал окольному доспехи, в которых участвовал в судебном поединке. Проигравший дело подвергался наказанию, предусмотренному законом за соответствующее преступление.

Однако на практике поле как доказательство, не способное охранять интересы господствующего класса, допускалось только в исключительных случаях, когда не было возможности разобрать дело при помощи других доказательств. Стремление господствующих классов ограничить применение поля проявляется еще до Судебника 1497 года. Так, в 1410 году митрополит Фотий писал новгородскому духовенству, чтобы священники не причащали идущих на поле и не хоронили убитых. Убивший своего противника рассматривался как душегубец; священник, причащавший или отпевавший участника поля, лишался сана.

СТАТЬЯ 8. О воровстве. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком «лихом деле» окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяется иск. Оставшаяся часть имущества поступает судьям. Пошлина и «продажа» делятся судьями: боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег. При отсутствии у лихого человека имущества для удовлетворения иска он не может быть выдан стороне для отработки или до выплаты долга, а должен караться смертной казнью, которая осуществляется тиуном Московского великого князя.

В статье наряду с процессуальными появляются нормы материального уголовного права. В ст. ст. 8 и 9 вводятся некоторые новые составы преступлений. Так, наряду с татьбой и разбоем, известными еще Русской Правде, впервые появляется понятие ябедничества (т. е. ложного доноса, злостной клеветы), имевшего своей целью обвинить невиновного. Наиболее существенным новшеством является введение в статью такой категории преступного деяния, как *лихое дело*.

Статья вводит понятие *ведомого лихого человека*. Уже по ст. 10 Бело-зерской уставной грамоты совершившие татьбу, разбой или душегубство подлежали, помимо возмещения материального ущерба истцу, наказанию по усмотрению судьи. С усилением борьбы феодально-зависимого и закрепощаемого населения, принявшей массовый характер, совершение преступлений ведомым *лихим человеком*, безусловно, влекло для него смертную казнь. Определяя порядок распоряжения его имуществом, часть кото-

рого шла в возмещение иска, а остальная — в пользу судей, ст. 8 специально подчеркивает невозможность отмены смертной казни и передачи обвиненного, при отсутствии у него имущества, истцу для отработки долга. Здесь, подчеркивает М.Ф. Владимирский-Буданов, в первый раз требования истца уступают требованиям уголовного закона.

Судебные функции по поручению великого князя или наместников и волостелей осуществляли тиуны. В соответствии с этим тиуны подразделялись на государевых и боярских. Боярские подчинялись наместнику или волостелю, в пользу которых они собирали доходы. Тиуны государевы или великокняжеские были лишь в Москве и московских волостях, являвшихся великокняжескими вотчинами. Доходы с них поступали в пользу великокняжеской казны. Московский тиун подчинялся не наместнику, а непосредственно великокняжескому казначею. Таким же правом пользовался Новгородский тиун.

Лихим человеком мог быть признан любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, но сочувствовавший требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом опасным для господствующего класса. Он отнюдь не был рецидивистом, как трактует это Е. И. Колычева. Виновность оговоренного подтверждалась не представлением доказательств, а крестным целованием (присягой) оговаривающих (ст.ст. 12—13), что свидетельствовало о применении следственной формы процесса при расследовании наиболее опасных деяний. Дела начинались, как явствует из статьи, не только по иску частного лица, но, главным образом, вследствие *довода*, т. е. обвинения, производимого специальными должностными лицами — *доводчиками*. Они находились в штате наместников и выполняли, по мнению С. Б. Веселовского, обязанности судебных следователей. Вероятно, во избежание лишних поборов, вызывавших недовольство населения, *доводчикам* предписывалось *ездити в стану без паропка* (помощника) и *без простые* (в данном случае — без лишней) лошади... *А где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где обедает, туто ему не ночевати*. Доводчикам поручался также вызов в суд, а иногда и выполнение судебных обязанностей.

СТАТЬЯ 9. *Совершивший убийство господина, крамолу, церковную кражу или святотатство, кражу, сопровождающуюся убийством, передачу секретных сведений или оговор невинного, поджог города с целью предать его врагу, а также ведомый лихой человек карается смертной казнью.*

Имея в своей основе ст. 7 Псковской Судной грамоты, ст. 9 перечисляет особо опасные преступления против государства и церкви, а также деяния, совершаемые феодально-зависимым населением против своих господ. На первом месте упоминается *государский убойца*, т. е. убийца своего господина. Именно так переводит это выражение Герберштейн. Введение специального понятия *государский убойца* и установление

смертной казни для лиц, совершивших это деяние, обуславливалось учащением случаев выступления зависимого населения против своих господ и необходимостью защиты жизни представителей господствующего класса.

Крамола упоминается, например, в договоре князя Семена Ивановича (сына Калиты) с братьями в начале 50-х годов XIV века по отношению к боярину Олексию Хвосту, который *вшел в коромолу к великому князю*. Первоначально крамола выражалась главным образом в *отъездах* князей и бояр, пытавшихся сохранить свою самостоятельность. Крамольник и его дети лишались боярского чина и права на имущество, но не подлежали еще уголовному наказанию. По мере усиления борьбы с великокняжеской властью крупные бояре стали прибегать к прямой измене, заговорам, восстаниям и иным действиям, направленным против власти и жизни самого великого князя.

Можно предположить, что крамольник, покушавшийся на государственный строй или особу государя, наказывался даже за голый умысел. Так, в 1456 году за прежние деяния и по подозрению в умыслах *крамолы* был *пойман* на Москве и сослан в Углич серпуховской князь Василий Ярославич. Несомненно, что крамола инкриминировалась и всем тем представителям низов феодального общества, которые вступали в открытую борьбу против господствующего класса. Интересно, что В.Н. Татищев называет крамольника возмутителем народа. Под церковным татем, по мнению большинства исследователей Судебника, понимается лицо, совершившее святотатство, т. е. деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви, являющейся оплотом феодального государства. Однако ни Судебник 1497 года, ни Судебник 1550 года не определяют еще специальных составов святотатства.

Относительно понятия *головная татьба* нет единого мнения. По словам В.Н. Татищева, «головной тать на многих местах разумеет смертноубийцу, да и всякий тать, по словам христовым, из того не выключен», т. е. тать включал и понятие убийцы. Л.В. Черепнин считал, что под головной татьбой следует рассматривать воровство, сопровождавшееся убийством. Оспаривая это положение, Е.И. Колычева присоединяется к сложившейся в историко-правовой литературе позиции, согласно которой *головная татьба* — это похищение людей, преимущественно холопов.

Квалификация *головной татьбы* как кражи холопов — наиболее ценного для господствующего класса имущества — не лишена основания. Тем более что ст. 10, открывающая цикл статей о порядке ответственности за разного рода кражи, включает в их число *головную татьбу*. К толкованию термина *головная татьба* как кражи людей (для продажи в холопство) присоединяется и А.А. Зимин, считая нелогичным с точки зрения древнерусского права понимать *головную татьбу* как татьбу с убийством. Однако, как показывает Л.В. Черепнин, укрывательство людей, похищение холопов или переправка их за рубеж влекли не смертную казнь, а похолопление виновных.

Ярко выраженный классовый характер Судебника 1497 года, защищавшего феодальную собственность и личность феодала, не исключает установления высшей меры наказания за такое квалифицированное преступление, как кража, сопровождавшееся убийством собственника, что могло быть одновременно и средством расправы с тем или иным представителем господствующего класса, но не группой лиц, а в одиночку. Исходя из вышесказанного, точка зрения Л.В. Черепнина представляется убедительнее.

Еще более спорным является определение преступных деяний, инкриминируемых *подымщикам* и *зажигалникам*. *Подымщик* в досоветской историографии трактовался преимущественно как поджигатель дома, двора, жилого помещения (*дыма*), в отличие от поджигателя укреплений, города — *зажигалника*. Справедливо отмечая, что данная трактовка не объясняет, почему понадобилось такое подразделение, если оба вида поджога относятся к числу наиболее опасных преступлений и влекут высшую меру наказания, Л.В. Черепнин заменяет термин ст. 9 *подымщик* другим, содержащимся в ст. 61 Судебника 1550 года, — *подметчик*. А затем высказывает предположение, воспринятое советской историографией, что *подмет* — это шпионаж или разглашение секретных сведений. Впервые на неточность такой трактовки ст. 9 обратил внимание О.И. Чистяков. Он не только отметил неправомерность проведенной замены и отождествления термина *подымщик* с *подметчиком*, но и не согласился с тем, что подмет означает шпионаж. *Подмет* — это подбрасывание кому-либо не только похищенного имущества с целью обвинения его в разбое или татьбе, но и подметных писем. Аналогичную трактовку давал и В.Н. Татищев: «Подметчик двояков: 1) которой поличное кому подкинет, хотя оно невинно ополчить...; 2) пасквилянт, которой поносительные или возмутительные письма, сочиня, подкладывает...». Подметное письмо, по мнению О.И. Чистякова, не шпионаж, а скорее какая-то прокламация, которую подбрасывают (подметывают) для возбуждения народа против власти или ее представителей, поэтому подымщика можно рассматривать как человека, поднимающего бунт, возмущение. Это предположение находит подтверждение в раскрытии значения слова *подымщик*. По Далю, оно отождествляется не с «дымом», а с характеристикой человека — *подыменный*, *подыменщик*, принявший чужое имя, живущий не под своим, а под именем другого. Более чем вероятно, что человек, занимавшийся противоправной деятельностью, «промышляющий не по праву» (...) «не платя торговых податей», вынужден скрываться, жить под чужим именем, быть *подыменным*. Представляется, что *подымщик* — лицо, нарушившее существующие, господствующие нормы поведения, скрывающееся от властей и бесспорно относящееся к разряду *лихих людей*. Еще более важны некоторые значения глагола *подымати*, приводимые И.И. Срезневским (поднимать, вооружать, возбуждать) с примерами из летописных известий, относящихся к XV веку (*подьемша всю ... область, идоша на немецкую землю; присла ... посла псковичь*

поднимать на Новгород). То есть *подымщик*, по ст. 9 Судебника 1497 года, — лицо, поднимающее, возбуждающее кого-то, население или какую-то его часть против основ существующего правопорядка (о том, что это — серьезное покушение на правопорядок, свидетельствует сама тяжесть наказания), может быть на восстание.

Зажигалник — человек, совершивший поджог, что расценивалось как тяжчайшее преступление еще во времена Русской Правды. Поэтому вполне справедливо замечание О.И. Чистякова о том, что норму ст. 9 нельзя рассматривать только как поджог города с целью сдачи его врагу. Однако наказание за поджог зависело, вероятно, от того, принадлежал ли преступник к категории *лихих людей*. Так, из судного списка от 30 июня 1503 года явствует, что виновный в поджоге монастырской деревни Михалка Жук приговорен к возмещению нанесенного монастырю ущерба в размере 5 рублей. За отсутствием денег и поручительства в уплате их виновный был передан монастырю до искупа, т. е. до отработки долга. Из судного списка видно, что Жук совершил поджог *рнясь*, т. е. злясь за взятое монастырем с него *пожилое*. Налицо злая воля. Но представляется неправильным относить, как это делает А.Г. Поляк, человека, совершившего деяние умышленно, по злой воле, к числу *ведомых лихих людей*. Подразумевается, что первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означало, что он был *лихим человеком*, да еще ведомым. Смертная казнь по ст. 9 имеет в виду, как справедливо подчеркивает Л. В. Черепнин, особую опасность поджога, совершенного *либо ведомым лихим человеком*, либо как акт классовой борьбы. Так, когда в 1547 году начались пожары в Москве, то сразу же возникли слухи, что виной пожара были *зажигалники*. Многих поджигателей *имали и пытали*, а затем *казнили смертною казнью: глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали*. *Зажигалники*, т. е. те, кто пожар учиняли *нарочным делом*, подлежали смертной казни и по нормам последующего законодательства.

СТАТЬЯ 10. Если вор впервые совершит кражу, кроме кражи церковной или сопровождавшейся убийством, и никаких доказательств о совершении им ранее краж не будет, он карается торговой казнью, подвергается «продаже» по усмотрению судьи и с него взыскиваются убытки, понесенные истцом. При отсутствии у виновного имущества для возмещения убытков, понесенных истцом, он подвергается битью кнутом и выдается истцу в холопство до уплаты или отработки нанесенных им убытков, а взыскания в суде не производятся.

СТАТЬЯ 11. Вор, совершивший кражу вторично, карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает судье. При отсутствии у такого вора имущества, с которого можно взыскать убытки, понесенные

истцом, он не выдается истцу до отработки или выплаты долга, а карается смертной казнью.

СТАТЬЯ 12. Обвинение кого-либо в воровстве со стороны пяти-шести добрых людей из числа детей боярских или черносозиных крестьян, подкрепленное присягой, в случае, если будет доказано, что обвиняемый воровства ранее не совершал, влечет для него обязанность удовлетворить предъявленный истцом иск без разбора дела по существу.

СТАТЬЯ 13. О поличном. Если пойманный впервые с поличным будет признан под присягой пятью-шестью добрыми людьми вором, совершившим кражи неоднократно, он карается смертной казнью, а из его имущества возмещаются убытки, понесенные истцом.

СТАТЬЯ 14. О воровском оговоре. Кого оговорит вор, того допросить: если оговор подтвердится доказательствами, оговоренного пытать для выяснения обстоятельств воровства, если доказательств по обвинению в прежнем воровстве не будет, то оговору вора не верить и передать оговоренного поручителям до окончания расследования.

По мнению Л.В. Черепнина, статьи 10 – 14 являются фрагментом самостоятельного устава, направленного на организацию борьбы с *татами* и охрану собственности. В них устанавливается наказание за кражу, а также порядок изобличения преступников. Наказание зависело от того, простой или квалифицированной была кража. Деление кражи на простую и квалифицированную известно еще со времен Русской Правды. Так, в ст. 38 Краткой и ст. 40 Пространной редакции потерпевшему предоставлялось право убить вора без суда и следствия при совершении кражи из закрытого помещения и ночью, тогда как простая кража влекла лишь денежный штраф. Развивая это положение, ст. 5 Двинской уставной грамоты впервые упоминает о рецидиве, а также предусматривает смертную казнь (*ино повесити*) за третью кражу. Эти нормы повторяются затем в ст. 8 Псковской Судной грамоты. Судебник устанавливает виды кражи, квалифицированные по объекту — *церковная и головная татьба* (ст. ст. 9, 10), по повторяемости — рецидив, повторная кража (ст. 11), по субъекту — кража, совершенная *ведомым лихим человеком* (ст. 13). Всякая квалифицированная кража каралась смертной казнью. При этом, аналогично ст. 8, требования частного лица уступали уголовным требованиям государства, *а не будет у того татя статка с ысцеву гибель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью* (ст. 11).

В ст. 10 предусматривается наказание за простую кражу. Кража, совершенная впервые, кроме *церковной* и *головной*, и кража с поличным со стороны *ведомого лихого человека* влекли за собой торговую казнь, а также возмещение убытков потерпевшему. В случае несостоятельности осуж-

денного можно было *выдать головой*. С.Г. Струмилин интерпретировал это положение лишь как продажу имущества, но никак не личности истца. Выдача неимущих истцам головою в работу до искупа получила, по его мнению, законодательное закрепление лишь в Уложении 1649 года. Однако общепринятым в науке является мнение о том, что несостоятельный должник отдавался истцу или кредитору в холопство до отработки долга. Это защищало интересы феодальных собственников.

Торговая казнь означала битье кнутом, которое производилось палачом на торгах, площадях или в иных местах скопления народа, с целью устрашения последнего. *Торговая казнь* часто являлась замаскированным видом смертной казни, особенно в случаях, когда предписывалась *торговая казнь* без пощады. Число ударов в законодательстве не определялось. В XVIII—XIX вв. число ударов доходило до 400, в XVII веке для пытки устанавливалось 300 ударов. Но уже 50 ударов считалось битьем нещадным: *Тех воров... бить кнутом... нещадно, давать бы ударов по 50*. Этот вид наказания применялся до середины XIX века.

Статья 11, относя рецидив к числу отягчающих признаков, рассматривает повторную кражу как квалифицированную. При отсутствии у виновного имущества он не выдается истцу для возмещения убытков, а подвергается смертной казни.

Статьи 12—13 определяют порядок оценки показаний, изобличающих преступников. По ст. 12 оговор в воровстве со стороны 5—6 добрых людей, даже при отсутствии доказательств в виновности (*а довода на него в прежнем деле не будет*), влек для оговоренного обязанность удовлетворить требования истца без разбора дела по существу (ст. 12). Институт оговора — обвинения (*а на кого взмолвят... пять или шесть... добрых христиан*) трактовался по-разному. Б.И. Сыромятников видел в этом обычное начало в виде язычной молки, т. е. свидетельства целой общины, которая *добрила* или *лиховала* человека, давая общую оценку его личности. Признавая, что институт оговора является остатком суда общины, М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривает его, однако, как переходный момент к началу повального обыска. Это более соответствует действительности, ибо оговор со стороны *добрых*, т. е. благонадежных с точки зрения господствующего класса, людей приобретал в глазах законодателя безусловную доказательственную силу. К *добрым* людям обычно относились дети боярские, составлявшие разряд свободных служилых людей, занимавшие низшие и средние должности в армии и системе управления и получавшие за свою службу земельные пожалования, или волостные крестьяне, сидевшие на черных землях, находившихся под управлением общей администрации, и целовавшие крест, т. е. присягавшие при избрании их населением для выполнения различных должностей в органах местного управления. Таким образом, *добрые* люди являлись представителями господствующего класса или зажиточной части крестьянского населения. Со-

гласно ст. 13 признание добрыми людьми вора *ведомым лихим человеком*, хотя бы и совершившего первую кражу (*а довода на него в прежнем деле не будет*), но пойманного с поличным, влекло для него смертную казнь. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает, что более строгое наказание вора, захваченного с поличным, характерно для древнего права всех народов. *Поличное* – непосредственная улика в виде украденных вещей, найденных у похитителя под замком. *А поличное то, что выимут из клетки из-за замка; а найдут что во дворе, или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное.*

По ст. 14 оговор со стороны татя подлежал проверке. Если оговоренный татем был *прирочный* (известный как уже раз совершивший противозаконное деяние) человек с доводом, он подвергался пытке. В противном случае оговоренный отдавался на поруки до производства обыска. Обыск, по мнению большинства ученых, означал опрос *добрых* людей с целью определения репутации подсудимого. Представляется, однако, заслуживающим внимания мнение Г. Сокольского о том, что в данном случае разумеется не повальный обыск, а – аналогично ст. 60 Псковской Судной грамоты – осмотр дома. *А татю веры не ять; а на кого възклеплет, ино дом его обыскати; и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.*

СТАТЬЯ 15. *О правой грамоте. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: за приложение печати — 9 денег, за подпись дьяку — алтын, за написание документа подьячему — 3 деньги.*

СТАТЬЯ 16. *О докладном списке. Докладной список скрепляется печатью боярина и подписывается дьяком. За список взыскивается пошлина из расчета с рубля: боярину за приложение печати по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги, подьячему за написание решения вышестоящего суда по 2 деньги.*

СТАТЬЯ 17. *О правой грамоте по холопским искам. За выдачу правой или отпускной грамоты взыскивается пошлина из расчета с человека боярину за приложение печати по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, а подьячему за написание грамоты по 3 деньги.*

СТАТЬЯ 18. *Об отпускной грамоте. Отпускная грамота без боярского утверждения и без подписи дьяка, а для городов — без утверждения наместником, пользующимся правом решать наиболее важные дела, является недействительной, за исключением грамоты, написанной собственноручно господином холопа.*

СТАТЬЯ 19. О неправомерном разбирательстве дела. Решение, вынесенное судьей без надлежащего разбора дела в суде, признается недействительным, а ответчику возвращается все взысканное с него. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение.

В ст. ст. 15 — 19 определяется порядок выдачи судебных актов. Все они должны были оплачиваться судебными пошлинами, скрепляться подписью дьяка и печатью великого князя, что свидетельствовало о придании большего значения формальной стороне дела.

В ст. 15 говорится о выдаче *правой грамоты* — судебного решения. *Правая грамота* состояла из протокола судебного разбирательства и решения суда. Она выдавалась обычно по просьбе стороны, выигравшей дело, и облагалась пошлиной в пользу должностных лиц судебного аппарата, а именно - подьячего, *которой грамоту напишет*, дьяка, подписывавшего грамоту, и боярина, скреплявшего грамоту печатью.

Статья 16 определяет размер пошлин с докладного списка. *Докладной список* представлял собой протокол заседания (судный список) суда первой инстанции, передававшийся на рассмотрение (доклад) вышестоящей инстанции, которая давала указание, как решить дело. Решение вышестоящей инстанции писалось на оборотной стороне судного списка и служило основанием для выдачи правой грамоты судом первой инстанции. Основанием для доклада являлись сомнения судей, возникающие из трудности дела или неясности права, ограниченная компетенция судьи и разногласия судей при смешном суде. Институт *доклада*, встречающийся и в Новгородской Судной грамоте (ст. ст. 6, 20, 26, 28, 42), представлял своеобразную форму контроля вышестоящего суда над нижестоящим, содействуя централизации и укреплению княжеского и боярского суда. Установление *доклада* обеспечивало передачу особо опасных для господствующего класса дел в руки центрального суда, а именно обязательное обращение по *докладу* устанавливалось при разборе дел о холопах, татях, разбойниках, лихих людях (ст. 43). Порядок *доклада* довольно подробно определен в Новгородской Судной грамоте: *А докладу быти во владычне комнате; а у докладу быти ис онца по боярину да по житьему, да кои люди в суде сидели, да и приставом; а иному никому же у доклада не быти. А докладшиком садиться на неделю по трижды, в понедельник, в среду и в пяток. А кои докладшик не сядет на тот день, ино взять на боярине два рубля, а на житьем рубль. А докладшиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никою хитростью, по крестному целованью: А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестной грамоте снова.* Решение вышестоящей инстанции по *докладу* выносилось на основе фактического пересмотра всех материалов дела. Таким образом, институт *доклада* являлся зародышем апелляционного производства в России.

Учитывая изменения экономического положения холопов, Судебник 1497 года, развивая ст. ст. 66 и 85 Русской Правды Пространной редакции о допущении к свидетельским показаниям холопов, предоставляет им право отвечать и искать на суде, т. е. признает их субъектами права. Кроме того, Судебник законодательно подтверждает практикуемый отпуск холопов на волю. Это видно в ст. 17, которая предусматривает выдачу *правой и отпускной* грамот, т.е. судебного решения по искам холопов и документа об отпуске холопов на волю. По наблюдениям Е.И. Колычевой, такой отпуск распространялся прежде всего на верхушку административно-хозяйственного аппарата, военную дружину и одиноких женщин. Он осуществлялся преимущественно в случае выморочности владений феодала и первоначально не требовал определенной регламентации. Факт освобождения того или иного *полного* человека фиксировался обычно в духовных грамотах (завещаниях). Как правило, *отпускные* грамоты давались в спорных случаях, и лишь Судебник 1497 года не только узаконил необходимость выдачи *отпускных* грамот при всех случаях отпуска холопов, но и определил порядок выдачи их (ст.ст. 17, 18, 20, 40—43). Статья 17 устанавливает одинаковую пошлину при выдаче *правой и отпускной* грамот, размер которой определяется не из расчета пошлин с рубля, а с *головой*, т.е. с человека. Законодательно подтверждая право на отпуск холопов, Судебник, однако, строго регламентирует порядок его осуществления.

Статья 18 относит решение вопроса об отпуске холопов к компетенции наместника, державшего кормление с боярским судом. В волостях (т. е. в частях уезда) функции управления и суда осуществляли волостели, дворецкие, слободчики, приказчики, посельские и т. д. Все они находились на содержании населения, которое предоставляло им так называемый *корм*. *А кто будет волостель на Кривондине волости, ... корму ... имати на Рождество Христово со шти деревень десятеро хлебов, да полоть мяса, да мех овса, да воя сена; а тиуну его... пятеро хлебов, да полоть мяса, да острамок (полвоза) сена, да полмеха овса; а доводчику ... с деревни хлеб, да часть мяса, да зобня (кошель, лукошко) овса.* Кормление давалось на определенный срок, обычно на год.

Стремясь централизовать судебный аппарат, Судебник установил два вида кормлений: кормление с боярским и кормление без боярского суда. Кормленщик *с судом боярским* имел право выносить окончательное решение по ряду наиболее важных дел (о холопах, татях, разбойниках). Должности кормленщика с боярским судом получали обычно лица, занимавшие привилегированное положение в системе аппарата управления Русского феодального государства, а также наместники и волостели наиболее отдаленных от центра областей. Кормленщик *без боярского суда* был обязан вносить решения по этим делам на доклад в вышестоящую инстанцию. Ею была Боярская Дума, для государевых тиунов — великий князь, а для тиунов боярских — соответствующий наместник с боярским судом. Тиуны, а также дьяки, городовые приказчики и другие приказные

лица заведовали доходами в пользу самого государя — государев тиун, либо своего господина — тиуны боярские. Отпускная грамота, выданная без боярского доклада и без дьячей подписи, а в городах без доклада наместнику, державшему кормление с боярским судом, являлась недействительной. Исключение допускалось лишь в том случае, если отпускная была написана собственноручно владельцем холопа, что предполагало подтверждение его согласия на отпуск холопа.

Статья 19 предусматривает отмену неправильного решения судьи (то *грамота не в грамоту*) и предоставляет истцу право повторного рассмотрения дела. Поскольку дело начиналось заново, перед нами институт апелляционного судопроизводства, которое, по всей вероятности, осуществлял сам князь. Это способствовало усилению авторитета суда и защите прав господствующего класса. Законодательство еще не отличает неправый суд от судебной ошибки и не устанавливает ответственности судей за вынесение ими неправильного решения.

СТАТЬЯ 20. Указ о наместниках. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать особо важные дела, запрещается решать дела о выдаче холопа или рабы и выдавать правые, беглые или отпускные грамоты без утверждения вышестоящей инстанции.

Статья 20 является не столько иллюстрацией к ст. 19, сколько дополнением, уточнением, усилением ст. 18, регистрирующей отпуск холопов на волю. В ней вновь подчеркивается, что наместники и волостели, державшие кормление без боярского суда, неправомочны без обращения в вышестоящую инстанцию решать никакие дела, связанные с правовым положением холопов. Они не могут выдавать не только отпускные, но также *грамоты беглые и государя грамоты правые*, т. е. решения суда по спорному делу между холоповладельцами о выдаче холопа или *рабы* одной из сторон или о несостоятельности притязаний феодала, когда холопу удавалось доказать свое свободное состояние. Контроль за выдачей этих документов в условиях отпуска холопов и наряду с этим массового бегства и переманивания холопов землевладельцами был особенно необходим для охраны интересов господствующего класса.

СТАТЬЯ 21. О суде великого князя. При осуществлении суда великим князем или детьми великого князя судебные пошлины с виновного взыскиваются в том же размере, что и при разборе дел боярским судом, т. е. из расчета с рубля по 2 алтына.

СТАТЬЯ 22. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику великого князя или детей великого князя за приложение печати по 9 денег, дьяку за подпись по алтыну, подьячему за написание грамоты по 3 деньги.

СТАТЬЯ 23. С холопа и с рабы за выдачу правой грамоты взыскивается печатнику с человека по 9 денег, а подьячему за написание грамоты с человека по 3 деньги.

СТАТЬЯ 24. О докладном списке. Докладной список, утвержденный великим князем или детьми великого князя, скрепляется печатью великого князя или детей великого князя. С докладного списка взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за проставление печати — по 9 денег, дяку за подпись — по алтыну, а подьячему за написание решения вышестоящего суда — по 2 деньги.

Данные статьи, могущие, по мнению Л.В. Черепнина, представлять собой самостоятельный правовой памятник, посвященный великокняжескому суду, определяют размер пошлин за разбор дел этим судом. Под княжеским судом понимался как суд самого великого князя, так и его детей. Сохранились правые грамоты XV века — сына и внука Ивана III. Великокняжеский суд в тот период рассматривал дела в качестве суда первой инстанции по отношению к жителям своего домена, а также особо важные дела или дела, совершенные лицами, имеющими привилегию на суд князя. К ним обычно относились обладатели (духовные и светские) тарханских грамот и служилые люди, начиная с чина стольника. Помимо этого князь рассматривал дела, поданные лично на его имя, направленные по докладу из нижестоящего суда для утверждения или отмены принятого судом решения, а также являлся высшей апелляционной инстанцией по делам, решенным нижестоящими судами, осуществляя так называемый *пересуд*. Воспроизводя текст ст.ст. 3,15—17 о размерах пошлин за выдачу правых грамот, отпускных и докладного списка, статьи подтверждают, что пошлины в великокняжеском суде взыскиваются те же, что и в боярском суде.

СТАТЬЯ 25. О бессудной грамоте. За выдачу бессудной грамоты взыскивается пошлина из расчета с рубля: печатнику за приложение печати и дяку за подпись по алтыну, а подьячему по 2 деньги.

В статье определяются пошлины за выдачу бессудной грамоты. Дело в этом случае решалось в пользу явившейся стороны. Поскольку бессудная грамота упоминается только в связи с производством дела в княжеском суде и в статье говорится о пошлинах печатнику, можно согласиться с А.Г. Поляком, что «решение вопроса о возможности удовлетворить иск без предварительного судебного разбирательства входило исключительно в компетенцию великокняжеской власти». Отнесение вопроса о выдаче бессудной грамоты к великокняжеской компетенции позволяло брать под за-

щиту дворян, которые, будучи на государственной службе, могли пропустить срок явки в суд.

***СТАТЬЯ 26.** О срочных грамотах. За выдачу срочных грамот взывается пошлина дьяку за подпись по 2 деньги. За изменение срока явки сторон в суд пошлина взывается из расчета: дьяку за подпись с рубля по 3 деньги и подьячему за написание новой срочной с рубля по 2 деньги. Если изменение срока происходит по просьбе обеих сторон, то связанные с этим пошлины (в том числе — «хоженое» недельщику) уплачиваются сторонами поровну, а если по просьбе одной стороны, то уплата всех пошлин возлагается на нее. Срочные грамоты хранятся у дьяков.*

В статье устанавливается пошлина за выдачу срочной грамоты, а также за изменение срока явки в суд. Если срок *отписати*, т. е. изменить срок явки хотели обе стороны, пошлины, в том числе *хоженое* недельщику (см. комментарии к ст. ст. 4—7, 29), распределялись между ними поровну; если же срок отписывался по просьбе одной из сторон, то уплата всех пошлин возлагалась на нее. В данном случае *хоженое* — плата недельщику за извещение истца или ответчика о явке в суд к сроку, указанному в срочной грамоте, или за посылку в суд для оформления (по поручению одной из сторон) отсрочки. Срочные грамоты оформлялись при участии официального лица — пристава, хранились обычно у дьяков и служили основанием для выдачи бессудных грамот.

***СТАТЬЯ 27.** О бессудных грамотах. В случае неявки на суд ответчика в назначенный срок, наступление которого устанавливается непосредственно дьяками путем рассмотрения срочных грамот. Неявившийся признается виновным без разбора дела, и явившейся стороне подьячим выдается бессудная, а не срочная грамота. Бессудная грамота выдается на восьмой день после назначенного срока.*

В статье предписывается (при неявке ответчика в суд в назначенный срок, что устанавливалось дьяками) выдавать истцу на восьмой день после срока, указанного в срочной грамоте, бессудную грамоту. Это делать мог только дьяк, а не подьячий, что усиливало значение центрального суда.

***СТАТЬЯ 28.** О приставных грамотах. За оформление приставной грамоты по делу с ценой иска в один рубль из суммы езда взывается по алтыну в пользу печатника за приложение печати и дьяка — за подпись. При увеличении или уменьшении суммы езда пошлины взываются из того же расчета. Приставная по делу, в котором цена иска меньше суммы езда, дьяком не подписывается. Приставные подписываются дьяком обязательно в присутствии недельщиков. Сумма езда не зависит от того, сколько истцов участвуют по долям в оплате езда, и определяется в зависимости от расстояния до города, указанного в приставной грамоте.*

В статье регламентируется порядок выдачи *приставных грамот*, т. е. грамот, выдававшихся приставу и разрешавших ему брать на поруки ответчика при вызове его в суд, производить обыски или иные действия, необходимые для расследования по делу или приведения в исполнение приговора. Пошлина за выдачу приставной грамоты взыскивалась из суммы *езда*, получаемого недельщиком. Под *ездом* понималась пошлина за поездку пристава, недельщика за пределы города. В целях предупреждения злоупотреблений со стороны должностных лиц сумма *езда* оставалась неизменной независимо от числа истцов, участвующих в оплате *езда*, и устанавливалась в зависимости от расстояния до пункта, куда направлялся недельщик (см. комментарий к ст. 30). Приставная грамота выдавалась только в том случае, если цена иска превышала затраты, необходимые для отправки пристава за ответчиком. Таким образом, малоимущее население, чаще всего обращавшееся в суд с исками небольших размеров, фактически лишалось возможности прибегнуть к помощи пристава.

СТАТЬЯ 29. Площадная пошлина недельщику за вызов в суд в пределах Москвы устанавливается в размере 10 денег и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу. За поручительство вознаграждение брать запрещается. Сумма езда зависит от расстояния и увеличивается вдвое, если недельщик производит расследование по делу.

СТАТЬЯ 30. Указ о пошлинах недельщику за выполнение обязанностей вне пределов города. Пошлины устанавливаются в следующем размере: от Москвы до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни 10 алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина 25 алтын, до Калуги рубль, до Ярославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 алтын, до Можайска полтина, до Медыни 25 алтын, до Вязьмы полтора рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвертью, до Белева то же, до Мезеца 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переяславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четвертью, до Вологды 2 рубля с полтиной, до Белоозера 2 рубля с полтиной, до Устюга 5 рублей, до Вычегды 7 рублей, до Двины и до Колмогор 8 московских рублей, до Владимира рубль с четвертью, до Костромы полтора рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертью, до Галича 2 рубля с полтиной, до Муромы полтора рубля, до вотчины Стародубских князей полтора рубля, до Мещеры 2 рубля, до Нижнего Новгорода 2 рубля с полтиной, до Углича рубль, до Бежецкого Верха полтора рубля, до Романова рубль с четвертью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцева и до Опок рубль, до Хлепни 40 алтын, до Ржева рубль с четвертью, до Великого Новгорода 2 московских рубля с полтиной.

СТАТЬЯ 31. *Поездка с приставной грамотой и выдача ответчиков на поруки осуществляется лично недельщиками. Им разрешается посылать с приставной грамотой только лиц своей фамилии, а не людей, нанятых для выполнения какой-либо работы. Во время поездки с приставной грамотой запрещается брать вознаграждение за поручительство. Указ о недельщиках.* В том городе, где проживает недельщик, ему запрещается выполнять служебные обязанности по всем делам, а также посылать вместо себя каких-либо лиц.

СТАТЬЯ 32. *Убытки, причиненные волокитой, и расходы за срочную, правую или бессудную грамоту, взыскиваются выигравшим по суду дело со стороны, признанной судом виновной.*

СТАТЬЯ 33. *Недельщикам запрещается просить и брать вознаграждение как для судей за разбор дела, так и в свою пользу за поручительство.*

СТАТЬЯ 34. *Недельщик, которому поручено допросить вора, должен вести допрос добросовестно, не заставляя вора оговаривать кого-либо, и сообщить результаты допроса великому князю или судье. Недельщик, посланный для ареста воров, обязан производить арест добросовестно, не потакая никому. Запрещается отпускать арестованных воров, брать с них взятки, а также арестовывать посторонних людей.*

СТАТЬЯ 35. *Недельщику запрещается без обращения в вышестоящую инстанцию отдавать на поруки или подвергать «продаже» воров, находящихся у него под арестом.*

СТАТЬЯ 36. *В случае передачи вора на поруки любое дело должно поступать в суд без волокиты. Запрещается волокита при выдаче крестьянам бессудных грамот или при перенесении срока явки в суд, а также получение чего-либо за выдачу бессудных грамот. Если срок явки в суд откладывается с согласия обеих сторон, то недельщик получает с них одну пошину («хоженое»). По взысканию езда устанавливается поручительство до окончания расследования дела. После решения по делу езд взыскивается со стороны, признанной судом виновной. Если истец или ответчик не поедет в суд лично, а пошлет вместо себя кого-либо для изменения срока явки в суд, то недельщик взыскивает пошину («хоженое») только одну и с того, кто послан изменить срок.*

По мнению С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина, в этих статьях содержатся ранее изданные правительством Ивана III указы «О езде» и «О недельщиках», целиком вошедшие в Судебник.

В ст. 29 говорится о пошлине недельщику за выполнение обязанностей в пределах города, так называемом *хожоном*. Упоминание в статье *площадной* пошлины указывает, по мнению А.В. Черепнина, на постоянный штат московских площадных недельщиков, подобных позднейшим подьячим Ивановской площади. Статья предусматривает различные пошлины в зависимости от обязанностей недельщиков. За вызов ответчика в суд в пределах Москвы с него взыскивалась пошлина в размере 10 денег. Если же недельщик производил и расследование по делу, она (как в пределах одного города, так и при езде) увеличивалась вдвое. Наряду с установлением пошлин за производство расследования статья запрещает недельщикам брать *поминки* — вознаграждение за передачу ответчиков на поруки.

Статья 30 устанавливает размер вознаграждения недельщика за проезд от Москвы до других пунктов Русского государства. Сумма *езда* зависела от расстояния и колебалась от 8 рублей до 10 алтын.

Статья 31 предписывает недельщикам выполнять свои обязанности лично или с помощью своих племянников и людей. Под *племянниками* понимались родственники. Являясь, как правило, представителем мелких или средних землевладельцев, недельщик имел в своем хозяйстве зависимых от него людей, т. е. холопов, за действия которых он отвечал как господин. Должностные функции феодала могли выполняться всеми членами его «фамилии». Вместе с тем недельщикам запрещалось перепоручать свои обязанности *урочникам*, т. е. посторонним, нанятым для выполнения определенного дела, урока, людям, за действия которых недельщик не мог нести полной ответственности.

Одновременно в статье определяется порядок осуществления недельщиком своих обязанностей. Ему запрещается брать вознаграждение за назначение поручителей при выезде на расследование и *ездити* с приставными в своем городе. Высказанное Л.В. Черепниным предположение, что эта фраза может означать запрещение повышенного вознаграждения (*езд* вместо *хожоного*), не согласуется с положением статьи о запрещении недельщику осуществлять расследование в месте своего жительства. Именно этим, по мнению В. Н. Татищева, достигалось пресечение злоупотреблений и предупреждение пристрастных действий со стороны недельщика. Представляется, что такое объяснение является более правильным и вытекает из самого текста статьи.

Статья 32 устанавливает взыскание убытков и расходов, причиненных волокитой, т. е. затяжкой, проволочкой дела (большей частью в целях вымогательства) со стороны, проигравшей дело, оставляя безнаказанным виновное в этом должностное лицо, в частности пристава.

Статья 33 (как и ст. 1 Судебника) запрещает недельщикам брать *посулы* (взятки) как в свою пользу, так и в пользу судей, хотя еще и не устанавливает ответственности за такой вид преступления.

Статья 34 предписывает *пытати татя бесхитростно*, т. е. добросовестно, справедливо, без предвзятого мнения и злого умысла, запрещая

ему клеветать на кого-либо. О результатах допроса недельщик обязан был доносить великому князю или судье, по чьему поручению он рассматривает дело. Как видно из статьи, в обязанности недельщика входил не только допрос данного ему судьей татя, но и розыск преступника. К этим случаям, надо полагать, и относится характеристика недельщика как лица, которое «хватает злодеев и держит их в тюрьмах». Возможно, что недельщики специально посылались для вылавливания татей, лихих людей, разбойников в наиболее беспокойные местности. При розыске татей также предписывалось не попустительствовать им. Запрещалось отпускать найденных татей за взятку и, злоупотребляя правами недельщика, арестовывать невинных, не причастных к преступлению людей. Как видно из ст. 35, в обязанность недельщика входило также содержание татей под стражей до передачи их дела в суд. Находящихся под арестом татей запрещалось без обращения в вышестоящую инстанцию ни отдавать на поруки, *ни продавати*, т. е. выдавать истцу в холопы до отработки долга.

Статья 36 устанавливает обязанность недельщика не задерживать передачу дела в суд, особо запрещая волокиту при выдаче бессудных грамот или перенесения срока явки в суд.

Отражая стремление правительства ограничить произвол должностных лиц, статья содержит запрет недельщику получать двойное вознаграждение за одно и то же действие, а именно при перенесении срока явки в суд *обема исцем вместе*, т. е. одновременно, на один срок, недельщику *взяти одно хожное с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего*. Также при *отписании срока* кем-либо по поручению стороны пошлина взыскивалась только одна. Уточняются и условия взимания езда, который взыскивается по окончании дела с виноватого. Если пристав получил вознаграждение со стороны, которая была признана победившей, последняя приобретала право регрессного иска к проигравшему дело. Однако закон не доводит дело до конца, ибо не устанавливает конкретных санкций за нарушение предписаний. На практике подобные нарушения карались, очевидно, чаще всего отстранением от должности.

СТАТЬЯ 37. Указ наместникам о городском суде. Недельщик или заменяющий его человек, приехавший с приставной грамотой в город или волость, обязан предъявить приставную грамоту наместнику или волостелю, или их тиунам. Если обе стороны подсудны суду того же города или волости, то недельщик обязан доставить их к наместнику, волостелю или их тиунам.

Статья 37 начинает раздел судебника, в котором регламентируется порядок действий местных судебных органов — наместников и волостелей (ст. ст. 37—45, 64, 67). По мнению С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина, этот текст был составлен ранее и вошел подобно «Указу о езде» в Судебник.

Наместники и волостели обычно чинили суд и расправу над населением не лично, а через тиуна, являющегося, как правило, их холопом. Приезжавший в город или волость с приставной грамотой недельщик обязан был предъявить грамоту наместнику, волостелю или их тиунам, и в случае, когда оба истца, как именуются здесь истец и ответчик, подсудны суду одного города или волости, т. е. имеют одну подсудность, *обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем, или пред их тиуны*. Действовать самостоятельно на территории наместничества без санкции наместника недельщик не имел права.

Вместе с тем Судебник, отражавший политику Ивана III, направленную на укрепление позиций дворянства и ограничение своеволия боярства, распространяет нормы, регулирующие деятельность центрального суда, на местный суд и берет под контроль деятельность органов наместничьего управления.

СТАТЬЯ 38. При осуществлении суда боярами или детьми боярскими, пользующимися правом решать наиболее важные дела, должны присутствовать представители местной администрации (дворский, староста) и верхушки посадских людей и черных крестьян («лучшие люди»). Без этих лиц не могут осуществлять суд и наместник, и волостель. Наместникам, волостелям, их тиунам и людям, сборщикам пошлин запрещается за производство суда брать взятки для себя или своего господина. За производство суда, если истец докажет свой иск, взыскивается с виновного пошлина, размер которой установлен грамотами. При отсутствии грамот пошлина взыскивается в размере суммы иска. Если истец не докажет своего иска и будет признан виновным, с него взыскивается пошлина: наместникам 2 алтына, а тиунам 8 денег, если сумма иска равна рублю. Если сумма иска выше или ниже рубля, пошлина взыскивается по соответствующему расчету. Размер езда и пошлин, взыскиваемых доводчиком за вызов сторон в суд, расследование дела, производство суда и организацию судебного поединка определяются грамотами. При отсутствии грамоты пошлина в пользу доводчика с тиуном в случае примирения сторон взыскивается в размере половины суммы иска. Если судебным поединком разрешаются дела по обязательствам из договоров займа или дела о личном оскорблении, то пошлина взыскивается в размере, равном сумме иска. Если судебным поединком разрешаются дела о поджогах, убийстве, разбое или воровстве, то побежденная сторона обязана уплатить требуемую другой стороной сумму иска. Помимо этого, побежденная сторона подвергается наказанию и «продаже» по усмотрению наместника.

В этой статье предписывается обязательное участие в суде кормленщиков с боярским судом (см. комментарий к ст.ст. 17—18) представителей местной администрации, а также верхушки посадских людей и черных крестьян. Дворский следил за землеустройством, выполнением феодаль-

ных повинностей, делил землю на выти между тяглыми крестьянами, был обязательным участником «разъездов» земли.

Лучшие или *добрые* люди представляли население не по выбору, а по своему положению в местном обществе. Обычай, когда в судебном разбирательстве принимали участие представители общины, был закреплен ст. 19 Белозерской уставной грамоты — *наместником и тиуном без добрых людей не судити суд*, а затем в настоящей статье Судебника. Присутствовавшие на суде *лучшие* люди, число и функции которых еще не определялись, контролировали суд кормленщиков, ограничивали их произвол, что способствовало укреплению единой централизованной системы судебного аппарата. Симптоматично то, что участие *лучших* людей было обязательно в судах наместников, державших кормление с боярским судом, рассматривавшим наиболее важные и опасные для государства дела.

Остальное содержание статьи определяет порядок взимания пошлин при рассмотрении дела в местном суде и повторяет фактически ст.ст. 1-7 Судебника в отношении центрального суда с той лишь разницей, что для местного суда размер пошлин определяется по уставным грамотам наместничьего управления, среди которых были Двинская (1397 г.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты.

СТАТЬЯ 39. Указ о ворах. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает наместнику и его тиуну. При отсутствии у обвиненного имущества для удовлетворения убытков, понесенных истцом, он не может быть выдан стороне до отработки или выплаты долга, а должен караться смертной казнью.

Статья 39 повторяет ст. 8 Судебника, за исключением упоминания о боярине и дьяке, которые заменяются здесь наместником и тиуном.

СТАТЬЯ 40. О правой грамоте. За выдачу правой грамоты боярином или боярским сыном, которым предоставлено право решать наиболее важные дела, а также их тиунами взыскивается пошлина за приложение печати из расчета с рубля по 2,5 алтына, а дьякам за написание правой грамоты из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой грамоты тиуном взыскивается за приложение печати пошлина из расчета с рубля по 2,5 алтына в пользу тиуна и его господина и дьяка из расчета с рубля по 3 деньги. За выдачу правой или отпускнутой грамоты с холопа или рабы взыскивается пошлина боярином или сыном боярским, пользующимися правом решать наиболее важные дела, за приложение печати по 2,5 алтына с человека, а дьяком за написание грамоты по 3 деньги с человека.

СТАТЬЯ 41. Тиуну, исполняющему обязанности судьи, запрещается выдавать холопу правые или отпускные грамоты без утверждения господином.

СТАТЬЯ 42. Об отпускной грамоте. Отпускная грамота, выданная без утверждения ее боярским или наместничьим судом, пользующимся правом решать наиболее важные дела, а также без подписи дьяка является недействительной, за исключением отпускной, написанной собственноручно господином холопа.

В статьях (на основе ст.ст. 15, 17, 18, 23) содержится решение вопросов о порядке «отпуска» холопов органами наместничьего управления. Во главе их стояли не только бояре, получавшие от князей города и волости, кормление с судом и данью, но и дети боярские — представители низшего разряда служилых по *отчеству*, т. е. по происхождению. Они отправляли суд через своих холопов, одним из которых был тиун.

Согласно ст. 40 тиун от имени *государя своего* творил суд и расправу над местным населением, взыскивал пошлыны. Вместе с тем тиун находился в личной зависимости от кормленщика, который отвечал за его действия.

Поэтому ст. 41 специально подчеркивает, что тиун без санкции кормленщика не имел права выдавать правую и отпускную грамоты на холопа. Необходимость доклада в вышестоящую инстанцию при выдаче отпускной грамоты зафиксирована в ст. 42, повторяющей эту норму, но уже в отношении сына боярского.

СТАТЬЯ 43. Наместникам и волостелям, не имеющим права решать наиболее важные дела, а также тиунам великого князя и боярам, которым предоставлено право решать все дела, запрещается без согласования с вышестоящей инстанцией отпускать холопов и рабынь на волю и выдавать отпускные грамоты, а также выпускать из-под стражи воров и убийц, передавать в холопство до отработки или выплаты убытков, наказывать и выпускать из-под стражи лихих людей.

Здесь не просто повторяется ст. 20 о порядке выдачи грамот по холопским делам, а значительно ограничивается право должностных лиц наместничьего управления в решении наиболее важных дел. В отличие от ст. 20, запрещавшей выдачу правых и беглых грамот кормленщиками без боярского суда, ст. 43 запрещает решать дела о холопах, а также об отпуске их на свободу, отдаче «головой» до искупа и других мерах в отношении татей и душегубцев и всякого лихого человека тиунам великого князя и тиунам боярина, у которого кормление с боярским судом.

СТАТЬЯ 44. О приставах. Пристав, находящийся при суде наместника, за выполнение своих обязанностей взysкивает пошлину в виде хоженного и езда, размер которых устанавливается грамотами. При отсутствии грамот размер хоженного в городе устанавливается в 4 деньги, а езда из расчета за версту по деньге. При расследовании дела размер пошлин увеличивается вдвое.

В ст. 44 определяется порядок вознаграждения приставов. Пошлины им, как видно из ст. 22 Белозерской уставной грамоты, регулируются уставными грамотами наместничьего управления. При отсутствии таковых *хожоное* берется в размере 4 денег, а пошлина за *езд* взysкивается так же, как и в ст. 29, определяющей вознаграждение недельщиков, т. е. в зависимости от расстояния. При расследовании дела пошлина увеличивалась вдвое. Распространение норм, относящихся к центральному суду, на местный суд имело своей целью устранение произвола на местах и установление единообразия в порядке судопроизводства.

СТАТЬЯ 45. По требованию пристава, посланного по искам к наместникам, волостелям, боярам или детям боярским и их тиунам или тиунам великого князя и доводчикам, последние обязаны своевременно явиться на суд, а при неявке лично послать кого-либо вместо себя.

Статья 45, имея в основе ст. 13 Двинской уставной грамоты и ст. 23 Белозерской уставной грамоты о праве обжалования действий должностных лиц наместничьего управления, устанавливает обязанность кормленщика являться на суд в центральные органы в срок, указанный *срочной грамотой*. Последняя давалась ответчику на основе приставной. *Приставная грамота*, подписанная недельщиком, давалась приставу и содержала указание «дать ему на поруки такого-то, от имени такого-то, в таком-то иске». Приехав на место, пристав должен был *накинуть на ответчика срочную*, т. е. сообщить ему срок явки в суд и потребовать от него поручительства о явке в суд в указанный срок. Срок назначался по усмотрению суда, с учетом имеющегося по этому поводу законодательства. Так, наместников можно было вызывать к суду лишь по окончании срока их кормления. Срок вызова крестьян обычно падал на период с 1 октября по 1 апреля, т. е. не на *деловую пору*. При невозможности кормленщика приехать самому ему разрешалось послать кого-либо вместо себя.

СТАТЬИ 46. О торговцах. Если кто-нибудь купит что-либо на рынке, за исключением лошади, не зная того, у кого купит, а о покупке будет известно двум или трем добрым людям, то, если при претензии на купленное с чьей-либо стороны эти люди подтвердят, что спорная вещь действительно была куплена при них на рынке, покупатель считается оправданным и освобождается от присяги.

СТАТЬЯ 47. Если кто-нибудь купит что-либо на чужой земле, а другое лицо предъявит претензии на эту вещь, и два свидетеля или два-три добрых человека надлежаще подтвердят, что вещь была действительно куплена при них на рынке, то покупатель считается оправданным и освобождается от присяги. При отсутствии свидетелей дело разбирается судом.

В этих статьях определяется порядок доказывания добросовестного приобретения вещи.

Статья 46 несколько перерабатывает и уточняет нормы ст. 56 и частично ст. 46 Псковской Судной грамоты. Не дифференцируя еще порядок заключения договора купли-продажи в зависимости от объекта, Судебник оговаривает, что речь идет о покупке новых вещей *опроче лошади*. Это свидетельствует о том, что сделка купли-продажи лошадей — в то время основной тягловой силы — требовала иного оформления. Действительность сделки купли-продажи, совершенной на торгу в отношении новых вещей, подтверждалась показаниями двух-трех *людей добрых*. По Псковской Судной грамоте требовалось 4—5 человек, которые здесь впервые в русском законодательстве именовались свидетелями. Статья 46 также понимает под *добрыми* людьми свидетелей, которые подтверждали, что *пред ними купил в торгу*. Показания свидетелей являлись бесспорным видом доказательств, не требующим принесения покупателем присяги.

Статья 47 распространяет этот порядок доказательства правомерности владения и распоряжения вещью и на случай купли-продажи *но чюжей земли*. Вслед за Псковской Судной грамотой Судебник воспринимает термин «свидетели». Но если по ст. 47 Псковской Судной грамоты для освобождения покупателя от ответственности достаточно было принесения им присяги в том, что имущество приобретено законным путем, то, по Судебнику, дело решается на основе показаний свидетелей, в присутствии которых совершена покупка, и лишь при отсутствии их допускалась присяга (*а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати*). Ограничение применения присяги объяснялось недоверием к этому виду доказательства со стороны господствующего класса. Эта линия неуклонно проводилась судебной практикой. Так, например, если ответчик не имел свидетелей или письменных доказательств для подтверждения своего права, суд отказывал в применении *целования* в качестве доказательства даже в том случае, если обе стороны были согласны на него.

СТАТЬЯ 48. О свидетельских показаниях. Если свидетель показывает против ответчика в делах о личном оскорблении, грабежах или по обязательствам из договоров займа, дальнейший порядок решения спора зависит от воли ответчика: либо он вступает в судебный поединок с послухом, либо, начав поединок, под присягой согласится добровольно на уплату суммы иска. Истец в последнем случае считается выигравшим дело без принесения присяги, а ответчик обязан уплатить пошлины за судеб-

ный поединок и освобождается от наказания. Если ответчик до начала судебного поединка под присягой добровольно согласится на уплату суммы иска, он платит пошлину судьям, а от уплаты пошлин за судебный поединок освобождается.

СТАТЬЯ 49. Если ответчик, который должен участвовать в поединке со свидетелем, является престарелым, малолетним, имеющим увечья, или попом, или монахом, или монашкой, или женщиной, он может выставить наймита. Свидетель заменить себя наймитом не может. Причиненные оправданной стороне или ее свидетелю убытки возмещаются признанным судом виновным.

СТАТЬЯ 50. Если свидетель не явится в суд, независимо от того, мог ли он дать показания по делу или нет, с него взыскивается сумма иска и все убытки и пошлины. Если неявка свидетеля вызвана неверным указанием приставом срока, свидетель мог предъявить иск к приставу.

СТАТЬЯ 51. Если свидетель дает показания против истца, последний признается проигравшим дело.

СТАТЬЯ 52. Если истцом является женщина, или малолетний, или престарелый, или больной, или имеющий увечья, или поп, или монах, или монашка, или если свидетели будут давать показания против этих лиц, то такие лица могут нанять наймитов. Истец и послухи могут приносить присягу, а наймит обязан биться. Против чужого наймита истец или ответчик может выставить своего наймита либо биться сам.

В статьях регламентируется порядок свидетельских показаний. В Судебнике 1497 года, в отличие от Русской Правды, свидетели не разделяются на послухов и видоков. Аналогично ст. 20 Псковской Судной грамоты, послух является в XV веке свидетелем факта, очевидцем, о чем ясно говорится в ст. 67 Судебника: *А послухом не видево не послушествовати*. Послухами могли быть все, в том числе и холопы. Необходимым условием свидетельских показаний была личная непричастность к делу и совершеннолетие. Однако показания свидетелей расценивались по-разному в зависимости от их социальной принадлежности. Согласно ст. 22 Новгородской Судной грамоты холопы могли послушествовать только на холопа. «Свидетельство одного человека из благородного сословия, — отмечал Герберштейн, — значит более, чем свидетельства многих людей низкого состояния». Наиболее часто послухами, особенно по земельным спорам, являлись старожильцы, именуемые также *знахарями*. Это были старые люди, имеющие репутацию *добрых*, т. е. благонадежных, людей, помнивших все подробности данной земельной тяжбы. Они могли сказать судье: *Яз, господине, помню за тридцать, пятьдесят или семьдесят лет*. Послухами могли быть также прежние владельцы спорного имущества, составители

письменных документов на него, дьяки и должностные лица — разъездные *мужи, отводчики* (лица, участвовавшие в отводе земель) и даже сами судьи. Свидетель должен был явиться на суд в определенный ему должностными лицами (доводчиками, праветчиками, ездоками, приставами, недельщиками) срок. От явки его освобождали лишь болезнь или служба. Однако и в этом случае он должен был прислать свое письменное свидетельство. Поскольку послушество признавалось бесспорным видом доказательства, судебная практика знала случаи отвода послухов ввиду их заинтересованности в разрешении тяжбы. Так, по спорному делу о половине села Гравороново свидетели были отведены противной стороной, потому что с одним из послухов ответчик был в неприязненных отношениях и судился, а два других являлись родственниками истца.

В ст. 48 на основе ст. ст. 20, 28, 29, 107 Псковской Судной грамоты определяется порядок проверки свидетельских показаний в делах о побоях, грабеже или по обязательствам из договоров займа. Порядок решения спора, как свидетельствует Р. Ченслер, зависел от ответчика, который мог доказывать свою правоту путем судебного поединка с послухом или через принесение присяги. Указывая на возможность замены *подем* свидетельских показаний, Герберштейн сообщает: «Если истец приводит свидетелей, то спрашивают обе стороны, желают ли они положиться на их слова. На это обычно отвечают: «Пусть свидетели будут выслушаны по справедливости и обычаю». Если они свидетельствуют против обвиняемого, то обвиняемый немедленно вступается и возражает против свидетельств и самих лиц, говоря: «Требую назначить мне присягу, вручаю себя правосудию божию и требую поля и поединка». И, таким образом, им, по отечественному обычаю, назначается поединок». Если ответчик, *став у поля, у креста положит*, т. е., присягая во время судебного поединка, признает требования истца, истец освобождается от принесения присяги (*бес целовании свое возмет*), а ответчик уплачивает пошлины за судебный поединок и освобождается от дополнительных наказаний, назначаемых судьей для лиц, побежденных в судебном поединке (*а вины ему убитые нет*). Если ответчик признавал требования истца до начала судебного поединка, он оплачивал пошлину судьям, и полевых *ему пошлин нет*. Статья 49 развивает установленный еще Псковской Судной грамотой (ст. ст. 21, 36, 119) институт представительства на *поле*. Судебник 1497 года расширяет круг лиц, могущих участвовать в процессе не лично, а через наймитов. Если эти лица прибегали к помощи наймитов, выступая в качестве ответчиков, то послух истца не мог выставить своего наймита против наймита ответчика (*а послуху наймита нет*). Следует отметить, что в отличие от Псковской Судной грамоты, именовавшей стороны в процессе единым словом *истец*, Судебник, уточняя юридическую терминологию, вводит понятие истца и ответчика.

Статья 50 устанавливает материальную ответственность свидетеля за неявку в суд (в размере суммы иска, убытков и пошлин) независимо от того, мог ли свидетель дать показания по делу или нет. Если неявка свидетелем

ля вызывалась неверным указанием срока явки, то свидетелю предоставлялось право оспаривать перед судом правильность срока, определенного ему *праветчиком*. Установление ответственности за неявку свидетелей обуславливалось усилением роли этого вида доказательств за счет вытеснения таких их видов, как поле, присяга, ордалии. Свидетельские показания являлись решающими при возбуждении дела.

Статья 51, аналогично ст. 22 Псковской Судной грамоты, устанавливает, что неподтверждение послухом обстоятельств, приведенных истцом, лишало истца права на удовлетворение иска: *а послух не говорит перед судьями в ысцевы речи, и истецъ тем и виноват*.

Статья 52, аналогичная ст. 36 Псковской Судной грамоты, уточняет отдельные аспекты института представительства по сравнению со ст. 49. Так, если в ст. 49 определяется порядок представительства в отношении ответчиков, то в ст. 52 говорится об учинении иска с их стороны (*а на которм чего възщет жонка, или детина мал, или кто стар*). В этом случае ответчик и послухи также могли выставить своих наймитов. Привлечение наймита влекло за собой изменение в порядке процесса; если истец и послухи могли очистить себя присягой, в отличие от Псковской Судной грамоты, где присягу приносил только истец, то для наймитов было обязательно биться на поле (*а исцем или послуху целовати, а наймитом битися*). Этим и объясняется тот факт, что в качестве наймитов часто выступали холопы своих господ.

СТАТЬЯ 53. Если сторона вызовет другую через пристава в суд по делам об оскорблении словом или действием или по обязательствам из договоров займа, и, если обе стороны не захотят судиться, они могут примириться, доложив об этом судье. В этом случае судья не подвергает их продаже, взыскивая с них лишь езд и хоженое.

В отличие от ст. 3 Двинской уставной грамоты и ст. ст. 37 и 80 Псковской Судной грамоты, предусматривающих примирение сторон до обращения в суд, данная статья фиксирует возможность мирного решения конфликта и после начала судебного разбирательства: *А кто кого поймает приставом*. Примирение допускалось по делам, непосредственно не затрагивающим интересы государства: при обвинении в бою, в лае (оскорблений словом) или в займах. В случае прекращения дела стороны уплачивали судебному приставу *хоженое* и *езд*, т. е. пошлины, связанные с началом дела (см. комментарий к ст. ст. 29—30). Вместе с тем в целях контроля за всеми делами со стороны государственной власти мировое соглашение считалось действительным только после утверждения его судьей.

СТАТЬЯ 54. Если наймит уйдет до окончания обусловленных работы или срока, он лишается своего вознаграждения.

Статья определяет условие договора личного найма, получившего в середине XV века значительное распространение в связи с развитием товарного производства, городов и ростом числа людей, лишенных средств производства и продающих свою рабочую силу. Эти люди, поступавшие к феодалу для работы по найму, *наймиты*, положение которых регулировалось уже Псковской Судной грамотой, обязывались работать на своего хозяина в течение определенного срока или до выполнения всего *дела своего* (см. ст. 40 Псковской Судной грамоты). Но если по Псковской Судной грамоте ушедший самовольно наймит имел право на получение платы за последний год работы, независимо от проработанного времени, то, по Судебнику, наймит, ушедший до окончания срока договора, терял право на получение какого бы то ни было вознаграждения: *А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.*

СТАТЬЯ 55. О займах. Если купец поедет торговать и займет у кого-либо деньги или товар, а в пути у него этот товар погибнет не по его вине — потонет, сгорит или будет отнят войском, то, выяснив дело, боярин приказывает дьяку великого князя выдать купцу грамоту об уплате суммы, взятой взаймы, в рассрочку и без процентов. Если кто-либо, взяв что-нибудь для торговли, пропьет или погубит взятое без условий, не зависящих от воли человека, то он выдается истцу в холопство до отработки или уплаты долга.

Статья 55 детализирует ст. 54 Русской Правды Пространной редакции с учетом экономического развития Руси и ростом товарно-денежных отношений. Судебник уточняет права и обязанности купца, который, *идучи в торговлю* (вместо *шед где любо*, как было записано в Русской Правде), использует в своих торговых оборотах не только чужие деньги, но и чужой товар. В случае растраты, потери взятого имущества несостоятельный должник отвечает в зависимости от наличия или отсутствия злой воли. Неуплата долга вследствие несчастного случая, происшедшего с виновным (утрается *товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь*), не сопровождалась выдачей кредитору, а влекла лишь обязанность возвратить *исцеву истину*. Судебник дополняет положение Русской Правды о взыскании причитающейся истцу суммы от *лета* — погодно, указанием на то, что сумма иска взыскивается *без росту*, без процентов. Вместе с тем Судебник, отражая развитие русской правовой мысли, опускает имевшееся в Русской Правде религиозное обоснование несостоятельности (*за не же пагуба от бога есть*).

Если невозвращение долга или потеря имущества произошли по вине ответчика (*проплет, или иным каким безумием погубит товар свой без напраздньства*), то, в отличие от Русской Правды, где наказание передавалось на усмотрение кредиторов (*ждут ли ему, продадут ли, а своя им воля*), Судебник предписывает выдачу виновного истцу *головой на продажу*.

По мнению Л.В. Черепнина, это означало выдачу виновного истцу в холопство.

Усиливая роль государственного аппарата в пресечении разного рода злоупотреблений и охране интересов кредиторов, Судебник устанавливает не известный Русской Правде порядок, согласно которому *полетная грамота* выдается только после того, как боярин, расследовав все обстоятельства дела, установит, что несостоятельность возникла в силу независящих от займополучателя причин. Обязательность расследования боярином, т. е. должностным лицом центрального суда, причин несостоятельности и скрепление *полетной грамоты* великокняжеской печатью гарантировало защиту интересов займодавцев, в первую очередь купцов и духовных феодалов, являвшихся основными кредиторами.

СТАТЬЯ 56. Холоп, попавший в плен к татарам и бежавший из плена, становится свободным, освобождаясь от холопства своему прежнему господину.

В этой статье устанавливается, что холопы, бежавшие из татарского плена, освобождаются от холопства и не подлежат отдаче *старому государю*, т. е. своему прежнему владельцу. Это способствовало пополнению рядов великокняжеских тяглых, городских, а иногда и служилых людей, что соответствовало политике централизованного государства. Возвращение пленных было одной из важнейших забот Русского государства: в XVI веке существовал даже специальный налог — полоняничные деньги — для выкупа пленных. Помимо того освобождение бежавшего из татарского плена холопа могло рассматриваться как награда за участие в борьбе с татарами.

СТАТЬЯ 57. О переходе крестьян. Крестьянам разрешается переходить из волости в волость, из села в село лишь в течение одного срока в году: за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после осеннего Юрьева дня. За пользование двором крестьяне платят в степной полосе рубль, а в лесной — полтину. Если крестьянин проживет у господина год, то при уходе он платит четверть стоимости двора, если два года — половину стоимости двора, три года — три четверти, а за четыре года он уплачивает стоимость всего двора.

Статья 57 Судебника, озаглавленная *О христианском отказе*, отразила крупнейший этап в оформлении крестьянской зависимости. В предшествующий период феодального строя, несмотря на зависимость крестьян от землевладельца, крестьяне пользовались еще правом выхода, т. е. свободного перехода от одного владельца к другому. Усиленное развитие феодального землевладения в XIV — XV вв., происходившее за счет захвата или раздачи издавна населенных крестьянством земель в собственность

феодалам, дальнейшее развитие производительных сил вызывали невиданную ранее потребность землевладельцев в рабочих руках. Землевладельцы стали ограничивать выход крестьян, устанавливая невыгодные для них сроки выхода и обязанность уплаты всех долгов. Первоначально это относилось к наиболее зависимым от землевладельца категориям — старожильцам, серебрянникам, половникам. Возник вопрос о закреплении крестьянского населения за землевладельцами. Переход крестьян в другое княжество затрагивал не только интересы мелкого феодального собственника, но и князя, который в лице ушедших терял плательщиков дани.

Поэтому в XIV веке князья вносили в договоры между собой обязательство не переманивать друг у друга чернотяглых крестьян, т. е. людей, составлявших основную массу тяглецов. Так, жалованная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты о привилегиях людям новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волоке, относящаяся к первой половине XIV века, гласит: *А архимариту тяглых людей волоцких не примати; такоже и из очины князя великого из Москвы людиши не примати. А кто детей моих, или братьи моее мое данье порушит, а то судит ему бог и святой Геворгий в страшное свое пришествие, а князю великому дать сто рубля...*

Различные грамоты отчетливо показывают, что пополнение вотчин и поместий рабочими руками могло происходить за счет покупки или переманивания крестьян одними феодалами у других. Заинтересованные в росте хозяйств своих феодалов великие князья оказывали льготы феодальным хозяйствам, пополняемым *новопорядчиками*, при условии, если эти новопорядчики взяты не из владения самого князя-жалователя — великого или удельного. *Тутошних людей волостных в ту деревню отцю моему митрополиту не примать. А кого отец мой митрополит перезовет в ту деревню людей из ыных княженеи, а не из моего великого княжения, и тем людем пришлым на десять лет ненадобеть им моя дань...* — гласит жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию от 1420—1421 гг. Так началось ограничение свободного передвижения крестьян. С середины XV века появляется ряд грамот великого князя, выдававшихся по просьбе отдельных крупнейших феодалов (особенно церковных). Просьбы эти сводились, во-первых, к установлению единого для всех феодалов срока отпуска и приема крестьян, а именно: к узаконению установившегося на практике Юрьева дня. О том, что Юрьев день был уже общепринятым сроком (по Судебнику две недели: одна — до 26 ноября, другая — после этой даты) перехода крестьян, свидетельствуют жалобы великому князю на землевладельцев, продолжавших *отказывать* (принимать) крестьян *... не о Юрьеве дни, иных о Рожестве Христове, а иных о Петрове дни*. Во-вторых, наряду с установлением общего срока перехода, грамоты закрепляли и другое требуемое феодалами условие — обязательство уходящего крестьянина вернуть имеющуюся за ним задолженность, *серебро (а отказати серебряника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит)*.

Еще более стремились землевладельцы к закреплению за собой основной рабочей силы — старожильцев. Именно эта категория крестьян, как более связанная с землей, данным хозяйственным комплексом, в первую очередь подверглась такому закреплению. Отдельные феодалы добивались от великого князя грамот, запрещающих вовсе отпуск крестьян-старожильцев. Так, уже в жалованной грамоте великого князя Василия II Васильевича от 1455—1462 гг. Троице-Сергиеву монастырю говорится: *... которово их хрестьянина ис того села и из деревень кто к собе откажет, а их сторожилца, и яз князь велики, тех крестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни х кому*. Жалованная грамота предоставляла монастырю право вернуть на свои земли людей, ушедших *... из их сел в мои села, великою князя, или в села в моее великое княгыни и в боярские села*. Одновременно грамота закрепляла за монастырем всех живущих в его угличских селах крестьян (*... а которые люди живут в их селех нынеча, и яз, князь великий, тех людей не велел пуцати прочь...*). Аналогичные ограничения крестьянского перехода были подтверждены Иваном III и позднейшими грамотами (1488 – 1490 гг.). Издание княжеских грамот способствовало установлению единых условий и времени крестьянского перехода, без соблюдения которых *отказ не в отказ*. Для розыска крестьян, ушедших с нарушением правил перехода, и возвращения их на старые места землевладельцы пользовались услугами приставов. Так, в ответ на жалобу игумена Троице-Сергиева монастыря об уходе крестьян из монастырских сел несвоевременно *сее зимы о Зборе* (примерно в феврале) великий князь выделил монастырю пристава для розыска ушедших крестьян и возвращения их на прежние места жительства (*... и где пристав мои их наедет в моих селех или в слободах, или в боярских селех и в слободах, и пристав мои тех их хрестыян монастырьских опять выведет в их села в Шухобалские, да посадит их по старым местом, где хто жил, до Юрьева дни до осеннего*).

Судебник 1497 года удовлетворил требование господствующего класса, законодательно оформив повсеместное ограничение крестьянского выхода. Возможность такого выхода ограничивалась также тем, что каждый уходящий крестьянин обязан был внести *пожилое*, т. е. определенную условную сумму. Выплата пожилого являлась обязательной для всех крестьян, независимо от наличия или отсутствия у них задолженности по отношению к землевладельцу. Размер *пожилого* зависел от того, находился ли двор в степной или лесной полосе. Это различие, по мнению А.Л. Шапиро, обуславливалось тем, что в лесной местности легче было поставить двор, постройки, а потому уход крестьянина от землевладельца наносил последнему меньший ущерб. Правомерен и его вывод, что пожилое не компенсировало землевладельцу ущерб от переходов. Но это, как представляется, есть лишнее подтверждение тому, что помещики предпочитали иметь заселенные крестьянами земли, нежели получение пожилого. Вместе с тем именно выплата пожилого, которое было весьма обременительно для крестьянина, ограничивало возможности его перехода. Та-

ким образом, Судебник 1497 года в сравнении с грамотами XIV — XV вв. сделал новый шаг по пути закрепощения крестьянства. Особенно ясно это выражено во второй части статьи, которая направлена на ограничение выхода наиболее подвижной и многочисленной массы сельского населения, так называемых *новопорядчиков* или *новоприходцев*, т. е. крестьян *похожих*, переходящих с земли одного землевладельца на землю другого по истечении годового или иного небольшого срока. Установление размера *пожилого в одну четверть двора* для крестьян, проживших за землевладельцами лишь один год, почти исключало возможность выхода для крестьян *новопорядчиков*, а обязанность уплаты размера всего пожилого для крестьян, проживших четыре года, фактически стирала разницу между *старожильцем* и *новопорядчиком*. Таким образом, ранее свободные разряды сельского населения прикреплялись к земле.

СТАТЬЯ 58. Об иностранцах. При исках иностранцев друг к другу порядок решения спора устанавливается по воле ответчика: он может принести присягу в том, что он не виноват, или, присягнув, добровольно уплатить сумму иска, причем истец получает уплачиваемое после принесения им присяги.

В ст. 58 определяется порядок разрешения споров между *чужоземцами* — иностранцами. Укрепление торговых связей в конце XV века и приток в связи с этим иностранных купцов, между которыми возникали тяжбы, потребовали специального постановления Судебника о порядке рассмотрения всех возникающих между иностранцами споров (*а который чужоземец на чужоземце чего взыщет*). Основным видом доказательств в этих случаях устанавливалась присяга — крестное целование, что объясняется, вероятно, своеобразием правовых и религиозных воззрений иностранцев и тем, что им трудно было найти свидетелей.

СТАТЬЯ 59. Попа, дьякона, монаха, монахиню, церковного старосту и вдову, находящихся на иждивении церкви, судит святитель или его судья. Если судится светский человек с духовным, то суд должен состоять из духовных и светских представителей. Если вдова не находится на иждивении церкви, а живет своим хозяйством, она не подлежит духовному суду.

Здесь Судебник основывается на ст. 109 Псковской Судной грамоты, определявшей юрисдикцию церковного суда. Являясь одним из крупнейших феодалов, церковь обладала судебной властью, которую осуществляла через суды епископов, где судьей был епископ или назначенные им наместники, и монастырские суды, в которых судьей был игумен или назначенные им *прикащики*. Так же, как и кормленщики, епископы и игумены получали вознаграждение с подсудного им населения. Ведению церковных судов подлежали духовенство, а также патронируемые церковью

люди (*которые питаются от церкви божия*). Отражая политику централизации судебной власти и ограничения пределов компетенции круга людей, подсудных церковному суду, Судебник изымает из церковного суда дела, совершенные лицами разной подсудности. Например, когда одна сторона подсудна светскому, а другая — церковному суду (*а будет простой человек с церковным*), тогда назначается *суд волчей*. *Волчей* или *сместной* суд состоял из представителей обоих судов, которым подсудны спорящие. Например, в разборе споров между крестьянами духовных и светских феодалов участвовали представители от духовного и светского суда. Не подлежали *святительскому*, т. е. церковному суду, и вдовы, живущие своим хозяйством. Помимо ограничения компетенции церковных судов по субъектам церковные суды ограничивались еще и по категориям дел. К ведению церковных судов относились преимущественно дела по личным искам — разбор брачных и семейных дел, между родителями и детьми, дела о наследстве. Наиболее важные уголовные дела — *душегубство* и *разбой с поличным*, хотя бы и совершенные лицами, подсудными церковному суду, подлежали рассмотрению исключительно государственными органами. Так, в жалованной грамоте Звенигородского князя Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю от 1404 года говорится: *А ведает игумен Сава сам свои люди во всех делех и судит сам во всем, или кому игумен прикажет, оприче душегубства...* Даже менее опасные уголовные дела, совершаемые духовными лицами (например, кража), подлежали рассмотрению в государственных судебных органах.

СТАТЬЯ 60. Если человек умрет, не оставив завещания, то при отсутствии у него сыновей все его имущество и земля передается дочери, а при отсутствии дочери наследует ближний его рода.

В статье определяется порядок наследования в случае отсутствия духовной грамоты — завещания. Сохраняя характерное для русской феодальной собственности положение — сестра при братьях не наследница, — Судебник, в отличие от ст. ст. 92—93 Русской Правды Пространной редакции, предусматривавших выморочность имущества, законодательно подтверждает бытовавший на практике порядок передачи наследования по женской линии и расширяет круг наследников привлечением *ближнего от его рода*, т. е. боковых родственников, аналогично ст. 15 Псковской Судной грамоты. Отражая начавшийся с XIV века рост феодального землевладения и дальнейшее укрепление феодализма, Судебник значительно усиливает защиту феодальной собственности и ее основы — земли. Таким образом, в законодательстве наряду с нормами о движимом имуществе — *статном* — формулируются нормы и относительно недвижимого имущества — земли: порядок наследования и распоряжения ею в условиях борьбы великокняжеской власти с удельно-княжеской оппозицией шел по пути расширения поместной системы, связанной со службой великому князю, государству.

СТАТЬЯ 61. Об изгородях. Расходы по установлению изгородей между селами и деревнями распределяются между владельцами поровну. Если из-за отсутствия или плохого огораживания произойдет потрава, убытки платит тот, кто ставил изгородь. Владелец покосов, удаленных от сел и деревень, не обязан ставить изгородь; изгородь ставит владелец той пахотной земли, которая смежна с отдаленными покосами.

СТАТЬЯ 62. О межах. Если кто-нибудь перепашет межу или повредит межевые знаки у боярина и монастыря на земле великого князя или у великого князя на боярской и монастырской земле, или у боярина на боярской или монастырской земле, или у монастыря на боярской земле, он подвергается битью кнутом и с него взыскивается рубль в пользу истца. Если перепашет или перекосит межу крестьянин у крестьянина своей же волости или села, то волостель или посельский взыскивает с виновного штраф в 2 алтына и вознаграждение в пользу потерпевшего от перепашки в зависимости от человека и количества перепаханного по своему усмотрению.

СТАТЬЯ 63. Разбирательство дел о землях. По искам о земле боярина к боярину, монастыря к монастырю, боярина к монастырю или монастыря к боярину устанавливается исковая давность в три года. По искам о земле чернотяглового крестьянина к чернотяглому, или помещика к помещику, получивших землю от великого князя, или чернотяглового или сельского крестьянина к помещику, или помещика к чернотяглому или сельскому крестьянину также устанавливается исковая давность в три года. По искам о землях великого князя к боярам или монастырям устанавливается исковая давность в шесть лет. Спорные земли передаются до суда под наблюдение пристава.

В ст. 61, отражающей борьбу феодалов с пережитками общинных сервитутов, говорится о необходимости установления изгородей между граничившими землями во избежание потравы скотом посева. Раскладывая расходы по установлению изгородей *по половинам*, т. е. поровну между смежными владельцами, статья возлагает расходы за причинение потравы не на владельца скота, а на того, чья *огорода*, т. е. на того, чья изгородь оказалась неисправной. В статье устанавливается, что обязанность ставить изгородь возлагается на владельца той пахотной земли, которая смежна с покосами.

В ст. 62 предусматривается ответственность за повреждение или уничтожение межевых знаков и запашку чужой земли. Воспроизводя в основном ст. 18 Белозерской и ст. 4 Двинской уставных грамот о наказании за нарушение межевых знаков, ст. 62 усиливает охрану земельной собственности феодалов. Охране подлежат земли не только великого князя, но также *боярина и монастыря*. Статьей вводится новый для данного преступления вид наказания. Если раньше нарушители подлежали разного рода

штрафам, то по данной статье виновного в повреждении межевых знаков или перепашке земли собственника-феодала предписывалось *бити кнута-ем, да исцу взяти на нем рубль*. Это же преступление, но совершенное крестьянами *промежу себя*, влекло за собой денежный штраф (за *боран по два алтына*) и возмещение убытков пострадавшему, размер которых устанавливался *посельским* по принципу *посмотря по человеку и по ране и по рас-суждению*. Встречающееся в статье выражение *за боран по 2 алтына* является особой формулой денежной оплаты, возникшей в результате замены натуральных поборов денежными. С XV века натуральный оброк в ряде мест вытесняется денежным, и всякого рода поборы часто исчисляются параллельно в натуральном и денежном счете. Так, в жалованной грамоте 1462 года великий князь указывает монастырским крестьянам: *А на Петров день дают моему наместнику или волостелю боран да десятеро хлебов, а нелюб боран, ино десять денег; а нелюбы хлебы, ино по дензе за ковригу*. Постепенно слово *боран* стало означать поборы, взыскание, налоги, штрафы (*кто у кого между переорет, межевой боран два алтына; кто у кого пустош или пожню перекосит, перекошой боран по восьми денег*). Боран означал также пошлину и административный сбор: *А кто перейдет из села в село или из деревни в деревню, переходжий боран взать с обе стороны...* В связи с тем, что слово «боран» означало разного рода поборы, возникла и пословица – *на мир боран прибыл*.

В ст. 63 срок давности по земельным искам определяется как основа для закрепления права на земельные участки. Вопрос об источниках этой статьи является спорным, ибо сроки исковой давности на Руси, особенно Северо-Восточной, были различными. Первое упоминание о давности связывают с постановлением великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425), на которое ссылается в жалованной грамоте от 1483 года его внук Иван III: *Как дед мой учинил, князь великий, в своей вотчине в великом княжении суд тогды о землях и о водах за пятнадцать лет, так и мне, князю великому, послати своего боярина. А хто будет отец наш митрополит в нашей вотчине и отцу нашему послать своего боярина и они, ехав в слободку, также учинят исправу в пятнадцать лет землям*. Псковская Судная грамота, различавшая давности исковую и приобретающую, устанавливает единый срок 4—5 лет (ст. 9), и, наконец, в Правосудии Митрополичьем говорится о трехлетнем сроке. Как справедливо замечает С. В. Юшков, необходимо учитывать само понятие давности и ее сроки. В первом случае статья Судебника не является нововведением, поскольку давность была известна еще Правосудию Митрополичью (памятнику, относившемуся еще к XIII веку). Что же касается сроков давности, — а это основное, — в ст. 63 устанавливаются два срока, чего не знал ни один прежний закон. Основываясь на практике митрополичьего суда, статья вводит трехлетнюю давность по искам частных лиц. Этот срок обусловливается тем, что «использование земли в севообороте (трехлетнем) является фактом, в достаточной степени свидетельствующим о полном хозяйственном овладении участка».

Вместе с тем, отражая стремление великокняжеской власти ограничить общинные сервитуты и сосредоточить распоряжение земельной собственностью в своих руках, Судебник увеличивал срок исковой давности по земельным спорам до 6 лет, если иск был направлен на изъятие у неправомочного владельца великокняжеской земли. Увеличение срока исковой давности в этом случае объясняется, по мнению Л.В. Черепнина, тем, что «основная масса неразрешенных судебных тяжб касалась, как показывают правые грамоты, именно земель великокняжеских крестьян, захваченных крупными феодалами — боярами и монастырями. Именно по этой линии шла главным образом борьба за землю. Отсюда — несколько повышенный срок давности в отношении именно этой категории дел». В случае подачи иска срок исковой давности приостанавливался, а земли до разрешения спорного вопроса судом передавались под наблюдение пристава. Последний должен был их *досуживати*, т. е. следить за тем, чтобы эти земли не подвергались незаконным захватам и наездам со стороны кого-либо из тяжущихся. Это означало, что спорные земли находились временно в распоряжении великого князя и часто отдавались для обработки их той или иной стороне до разбора дела.

СТАТЬЯ 64. За пересмотр дел с виновного взыскивается пошлина в размере 2 гривен; с суммы иска меньше рубля пошлина не берется. Пошлина не берется с судебных списков, с холопов и по земельным делам. Пошлина берется за каждый судебный поединок. Если кто-нибудь докажет, что судебный список основан на ложных фактах и потребует нового расследования, назначается пересмотр дела. В этом случае с виновного взыскивается подвойским пошлина в размере 4 денег.

Статья определяет порядок пересмотра дел по жалобе сторон, так называемый *пересуд*, упоминаемый ст. 3 Новгородской Судной грамоты и договорной грамотой Новгорода 1470—1471 гг. с польским королем Казимиром. В отличие от доклада, когда дело поступало на рассмотрение вышестоящей инстанции независимо от желания сторон, пересуд наступал лишь по жалобе стороны и мог быть прекращен, если во время доклада обе стороны признают правильность судебного списка. *Пересуд* допускался не по любому делу, а лишь в тех случаях, когда одна из сторон *оболжвит*, т. е. подвергнет сомнению, судебный список (протокол судебного заседания), а также при решении дела *полям* (*а с поля со всякого пересуд*). По делам *менши рубля*, а также по искам о холопах и земле пересуд не назначался. За *пересуд* с лица, призванного виновным, взыскивалась пошлина. Она именовалась *правой десяток* и поступала в пользу *подвойского*. Пересуд часто трактуется лишь как судебная пошлина, а не вторичный пересмотр дела. Неправильность такого ограничения отмечена последними исследованиями Судебника.

СТАТЬЯ 65. Если в городе будет два наместника или в волости два волостеля, они и их тиуны взыскивают пошлины, установленные Судебником, в размере, определенном на одного наместника, волостеля или тиуна, и взысканное делят пополам.

Статья 65 (примыкая непосредственно к ст. ст. 18, 20 Судебника) уточняет порядок взимания пошлин при наличии в одном городе (или волости) нескольких наместников или волостелей. Такое положение являлось, с одной стороны, пережитком периода феодальной раздробленности, когда один город принадлежал нескольким князьям, каждый из которых мог держать особого наместника. Отсюда название *третчик*, т. е. наместник городской трети. С другой стороны, назначение в один город двух или более наместников вызывалось трудностью исполнять обязанности одному лицу в большом уезде, а также стремлением правительства дать кормление большему числу лиц, особенно по мере увеличения численности служилых людей, которые в челобитных государю просили *пустить покормиться*. Если доходов, получаемых с города, было недостаточно для двух наместников, то одного *сводили*, т. е. переводили в другое место, возлагая управление на одного (*Здесь мне бил челом Яков Захарыч, что вам обема на Костроме сытым быти не с чего; и яз ... тебя есми пожаловал — придал другую половину Костромы, с правдою*). Ограничивая произвол должностных лиц, Судебник в развитие ст. 4 Уставной грамоты о душегубстве 1456—1462 гг., где порядок взимания наместниками, *третчиками* и другими должностными лицами пошлин определялся еще по добровольному соглашению сторон в виде *посула*, предписывает брать пошлины в одинарном размере, т. е. из расчета на одного наместника, с тем чтобы они потом были поделены пополам в том случае, если в городе *сидели* два наместника.

СТАТЬЯ 66. О полной грамоте. Холопом становится человек, продавший себя в полное холопство, поступивший в тиуны или ключники в сельской местности, независимо от того, оговаривает он свою свободу или нет. Холопство распространяется на его жену и детей, живущих вместе с ним у одного господина. Дети, живущие у другого господина или самостоятельно, не становятся холопами. Поступление в ключники в городе не влечет за собой холопства. Холопом становится тот, кто женится на рабыне, или выходит замуж за холопа, или передается в приданое, или в силу завещания.

В данной статье (имеющей в своей основе ст. 110 Русской Правды) определяются источники полного холопства. Упоминания о полном холопстве находятся в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича 1358 года и в договоре Дмитрия Донского с Михаилом Александровичем 1375 года. Оно имеет сходство с *обелем* Русской Правды, *челядью дерно-*

ватой и людьми неотхожими Новгородской земли. В отличие от установившегося мнения, что Судебник 1497 года, отражая стремление феодалов к ограничению полного холопства и замене его зависимым крестьянством, ограничивает источники холопства, Е.И. Колычева дает иную интерпретацию этой статьи. Она считает, что Судебник в вопросе источников холопства является более консервативным, чем Русская Правда. Это утверждение автор основывает включением в Судебник нового источника холопства — *по холопе роба*. Однако, как справедливо отмечает сама Е.И. Колычева, вряд ли можно считать этот источник полностью новым. И раньше вольная жена холопа находилась в фактической зависимости от холоповладельца, ее свобода, так же как и оговоренная свобода холопа, через несколько лет попросту забывалась. Установление нормы по холопе роба является, по всей вероятности, не столько расширением источников холопства, сколько отражением норм уже существующего семейного феодального права. В остальном же нельзя не отметить, что Судебник не просто повторяет известные Русской Правде источники холопства, но устанавливает обстоятельства, ограждающие от него. Так, в Судебнике сохраняется холопство в случае продажи по полной грамоте, но при поступлении на должность тиуна или ключника холопство возникает лишь для вступившего в эту должность в сельской местности. При этом оно распространялось не на всю его семью, а лишь на жену и тех детей, которые будут жить с отцом у одного господина. Кроме того, холопство сельских ключников к XV — XVI вв. становится по сути службой по какой-либо из специальностей. На основании анализа новгородских писцовых книг Б.Д. Греков сближает их положение не с холопами в узком смысле, а с крепостными крестьянами. Об особом положении верхушки холопов, занимавших административно-хозяйственные должности, являвшиеся одним из путей формирования служилого класса помещиков, и тем самым перестающие быть источником пополнения института холопства, говорит и Е.И. Колычева, признавая постепенное изживание полного холопства.

СТАТЬЯ 67. О взятках и о свидетельских показаниях. Надлежит объявить по рынкам в Москве, во всех городах Московской и Новгородской земли и во всех волостях о запрещении истцам и ответчикам обещать судьям и приставам взятки за разбирательство дела, а свидетелям давать показания, не зная дела, повелев им говорить правду. В случае обнаружения впоследствии ложности показания свидетеля с него взыскиваются все убытки и расходы, понесенные потерпевшим.

В этой статье предписывается публичное объявление (*прокликать по торгам*) о запрещении взяток и лжесвидетельства. Данное установление сходно с положением ст. 1 Судебника, в котором судьям запрещается брать *посулы* и решать дела, исходя из своих выгод.

СТАТЬЯ 68. О пошлинах за судебный поединок. По прибытии на поединок окольного и дьяка они выясняют у истцов и ответчиков, кто является их стряпчими и поручниками. Установив это, они приказывают последним находиться у места проведения поединка, но без доспехов, дубин и жердей. Если у места проведения поединка находятся посторонние люди, то окольный и дьяк удаляют их. Если эти люди откажутся уйти, с них взыскивается вся сумма иска и пошлины, а сами они передаются на поруки и предаются суду великого князя.

В ст. 68 определяется порядок проведения судебного поединка — поля. Наряду с уточнением обязанностей окольного и дьяка — должностных лиц, организующих поле, — в статье упоминается о стряпчих и поручниках, т. е. лицах, сопровождавших стороны и охраняющих их во время участия в судебном поединке. Участие этих лиц было необходимо потому, что «поединок проходил в присутствии доброжелателей и друзей обеих сторон, которые смотрят на поединок, не имея при себе никакого оружия, кроме дубин, которыми они время от времени и пользуются. Ибо если доброжелатели одного из бойцов увидят, что ему делается какая-нибудь обида, то тотчас бегут для отражения этой обиды, то же делает и другая сторона, — и, таким образом, между ними происходит схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся в потасовку, кулаками, батогами и дубинами с обозженным концом» (Герберштейн С.). Стряпчие и поручники должны были находиться у места проведения поединка. Однако доспехи, дубины и *ослопы*, т. е. орудия боя, стряпчим и поручникам держать у себя запрещалось. Для обеспечения порядка при решении спора полем нельзя было присутствовать *опришным*. За отказ *опришных* покинуть поле с них взыскивалась сумма иска и пошлины, а сами они передавались на поруки и подлежали преданию великокняжескому суду как злоумышленники — соучастники.

Текст перевода Судебника 1497 года публикуется по сборнику «Судебники XV-XVI веков» под общ. ред. академика Б.Д. Грекова (М.-Л., 1952. С. 19-21). В тексте опущены пометки по внешнему виду Судебника, имеющиеся в «Сборнике». Комментарий и введение — по «Российскому законодательству X-XX вв.», под общ. ред. О.И. Чистякова (Т. 2. М., 1985. С. 34-53, 62-97).

Вопросы по теме «Судебник 1497 года»

1. Кодифицируйте Судебник 1497 года по отраслям права.
2. Какие нормы гражданского права, известные в XI веке, вошли в Судебник 1497 года?
3. Что нового внес Судебник Ивана III в нормы гражданского права?
4. Прокомментируйте ст.ст. 61 – 65 Судебника. Как решались в Судебнике проблемы земельного права?
5. Прокомментируйте ст.ст. 17, 18, 56, 57, 66 Судебника 1497 года. Перечислите источники полного холопства. В каком случае холоп получал полную свободу? В чем суть феодально-крепостнического права?
6. По дороге в Астрахань ярославский купеческий караван был разграблен татарами. Купец вернулся в Ярославль без денег и без товара. Вскоре кредиторы неудачника потребовали вернуть деньги, о чем заявили в суд. Каким будет решение суда в этом деле?
7. В чем особенность имущественных споров между иностранцами в Московском государстве XV веке?
8. Какие нормы уголовного права, отраженные в источниках XV века, вошли в Судебник 1497 года?
9. Какие изменения были внесены Судебником 1497 года в уголовное право?
10. Прокомментируйте судоустройство по Судебнику Ивана III.
11. Какие должностные лица участвуют в процессе? Перечислите их функции.
12. Докажите, что в Московском государстве XV века появился новый вид процесса. Перечислите его признаки.
13. Назовите виды документов, фигурирующих в процессе в конце XV века, их содержание и порядок оформления.
14. Жителя одного из московских сел обвинили в татьбе. Что было необходимо для обоснования такого судебного решения?
15. На торгу была приобретена лошадь, которая вскоре была опознана как украденная. Что необходимо было предпринять в суде для решения этого вопроса?
16. За пользование дорогой из Москвы в Вычегду с недельщика взяли 8 рублей. Правомерно ли было это решение и почему?

ТЕРМИНЫ: Алтын, беглая грамота, бессудная грамота, боран, ведомый лихой человек, волокита, головной тать, деньга, дети боярские, довод, доводчик, добрые люди, доклад, докладной список, духовная грамота, дьяк, езд, зажигальник, кромола, лай, лихой человек, наймит, недельщик (пристав), обыск, окольный, отпускная грамота, пересуд, подьячий, пожилое, поле, полевая пошлина, полетная грамота, правая грамота, продажа, приставная грамота, срочная грамота, статок, стряпчий и поручники, тать, татьба, татьба с поличным, тиун, торговая казнь, урочники, хоженое, целование, целовальник, церковный тать, Юрьев день, ябедничество.

Список литературы

1. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909.
3. Герберштейн С. Записки о Московии / С латинского базельского издания 1556 г. перевел И. Анонимов. СПб., 1886.
4. Он же. Записки о московитских делах / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб., 1908.
5. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. Изд. 2. М., 1952.
6. Грибовский В.М. Древнерусское право. Вып. 2. Пг., 1917.
7. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859.
8. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. СПб., 1890.
9. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877.
10. Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.
11. Калачов Н.В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изд. П. Редкиным. Т. 1. М., 1841.
12. Он же. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изд. П. Редкиным. Т. 2. М., 1842.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. СПб., 1819.
14. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890.
15. Мейчин Д.М. Грамоты XIV-XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
16. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969.
17. Памятники русского права / Под общ. ред. Л.В. Черепнина. Вып. 3. М., 1955.
18. Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985.
19. Сергеевич В.И. Лекции по истории русского законодательства. История русского права. Кн. 2. Московский период. СПб., 1877.
20. Он же. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1902.
21. Струмилин С.Г. Договор займа в древнерусском праве. Опыт историко-юридического исследования. М., 1929.
22. Судебники. Лекции проф. П.Н. Мрочек – Дроздовского. Б/М., 1892.
23. Судебники XV-XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1952.
24. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
25. Он же. История Российская. Т. 7. Л., 1968.
26. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912.
27. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. М., 1951.
28. Шапино А.Л. О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг. Л., 1971.

29. Шпилевский С.М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Ученые записки Казанского университета. Вып. 2. Казань, 1862.
30. Штамм С.И. Судебник 1497 года: Учеб. пособие. М., 1955.
31. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4, ч. 2. СПб., 1783.
32. Юшков С.В. К истории древнерусских юридических сборников. Саратов, 1921.
33. Он же. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника) // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. 5, вып. 3. Факультет хозяйства и права. Саратов, 1926.